
МОЛДАВСКИЕ
МЫСЛИТЕЛИ
ДМИТРИЙ
КАНТЕМИР

DEMETRII
CANTEMIRII

В. Н. ЕРМУРАТСКИЙ

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР

КИШИНЕВ
КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ
1983

60(2М)
Е74

Перевод с молдавского
С. Г. Пынзарь

Е $\frac{0202000000-010}{М751(12)-83}$ 34—83

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Историческую роль выдающейся личности невозможно правильно оценить без знания социально-экономических и других условий, в которых она действовала.

Потому, начиная рассказ о Дмитрии Кантемире — мыслителе, политическом и государственном деятеле Молдавии, мы постараемся показать, какой была эта страна в его время.

В 1453 году под натиском турок пал Константинополь, закончила свое существование Византийская империя. Продолжая наступление на европейский континент, Турция завоевала ряд придунайских государств. Однако попытка подчинить Молдавию не удалась. Свободолюбивый народ оказывал османским полчищам решительное сопротивление.

Во время правления Стефана III Великого (1457—1503) Молдавское княжество достигло наибольшего политического и военного могущества, хотя ему пришлось отстаивать независимость в тяжелейших кровопролитных боях.

Неравенство сил все же сказалось. Несмотря на народный героизм, Молдавия в XVI веке подпадает под тяжкое иго султанской Турции, продлившееся более трех столетий.

В княжестве господствовало натуральное хозяйство. Но расположение на перекрестке международных торговых путей

обусловило относительную развитость денежно-товарных отношений. Местные феодалы старались выжать из крестьян своих вотчин побольше сельскохозяйственных продуктов, сбыт которых на внутренних и особенно внешних рынках приносил им крупные доходы.

Произошла поляризация социальных сил: на одной стороне — горстка феодалов-бояр, на другой — обездоленное и эксплуатируемое крестьянство.

Народные массы, испытывая двойной гнет — социальный и национальный,— яростно противились эксплуатации. Нарастание классовой борьбы угнетенных проявилось в разливе движения гайдуков, народных мстителей, в конце XVII века.

Главным препятствием на пути экономического и политического развития Молдавии оставалось турецкое владычество, тяжесть которого особенно усилилась на рубеже XVII и XVIII столетий.

Насущной задачей всего молдавского народа, включая и прогрессивный слой феодалов, была борьба за освобождение из-под власти Оттоманской Порты. Однако в среде господствующего класса не было единства мнений о возможных внешних союзниках в этой борьбе. Так, старейшие и знатнейшие боярские семьи — Мовилэ, Уреке, Костины и другие, связанные не только экономическими и политическими отношениями, но и родственными узами с польскими магнатами, ориентировались на Речь Посполиту. Представители этой партии считали, что Молдова может быть спасена от турецкого ига лишь с воен-

ной помощью Польского королевства, встав под его покровительство. Между тем немалая часть боярства, как и народные массы, возлагала надежды на Россию. Наконец, протурецкой позиции придерживались бояре, в большинстве греческого происхождения, получавшие от Порты за верную службу приносившие солидный доход привилегии. Они занимали ответственные государственные посты. Порта нередко сажала представителей этой группы на господарский престол. Наживая благодаря благосклонности турок огромные состояния, эти бояре были кровно заинтересованы в сохранении и укреплении господства Порты в Молдавии. Они старались представить участившиеся военные поражения Оттоманской империи как чисто случайные, временные неудачи, утверждали, что Турция, как и прежде, могущественнейшее государство Востока, а поэтому Молдавии выгодно находиться под ее господством.

Впрочем, протурецкая ориентация не пользовалась симпатией и поддержкой основной части феодалов, а трудящиеся массы считали ее сторонников прямыми ставленниками Порты и ненавидели их так же, как и самих чужеземных поработителей.

В 1686 году Польша, Австрия и Венеция образовали антиосманскую «Священную лигу», к которой через два года присоединилась Россия. Это воодушевило народы Балканского полуострова на усиление борьбы с угнетателями, вселило в них надежду на скорое освобождение.

Опасаясь взлета волны национально-освободительного дви-

жения в подвластных ей странах, Порта предпринимала контрманевры. С конца XVII века турецкие султаны стали все чаще направлять в Молдавское княжество своих преданных слуг — греков-фанариотов, то есть выходцев из константинопольского квартала Фанары. И если тогда фанариотов довольно редко возводили на господарский трон, то в остальных сферах общественной, политической и экономической жизни княжества они занимали господствующее место. Это возмущало как народные массы, так и местных родовитых бояр.

Турецкий гнет становится невыносимым. Непосильные налоги, открытый грабеж молдавского населения, упадок городов — все это препятствовало развитию производительных сил страны. Выходом из положения могло быть только освобождение из-под ига иноземцев. Но господствующий класс Молдавии оказался разделенным противоборством полонофилов и протурецкой группировки, которые заботились главным образом о возведении на престол княжества своего ставленника, чтобы укрепить собственные экономические и политические позиции.

Между тем, на европейской военно-политической арене появилось новое могущественное государство — Россия. Ее столкновение с Оттоманской империей было неизбежно. Турция препятствовала выходу России к Черному морю, угрожала безопасности ее южных границ.

Порабощенные турками народы видели в лице России единственно возможного своего спасителя от османского ига. Чаяния, связанные с ее освободительной миссией на Балканах,

обрели реальную почву после воссоединения Украины с Россией.

Новое распределение сил на международной арене оказало влияние и на внешнюю политику правящего класса Молдавского княжества. Начиная со второй половины XVII века, в особенности в последней его четверти, большинство молдавских феодалов, проявлявших и ранее антиосманские настроения, но ориентировавшихся на Польшу, начало переходить в прорусскую партию. Основными политическими группировками молдавских бояр стали прорусская и протурецкая.

Влияние прорусской партии быстро росло. Даже некоторые господари Молдовы, султанские ставленники, решались обращаться за помощью к России и, более того, пытались установить с ней союзнические отношения антитурецкой направленности.

Еще в середине XVII века господарь Молдовы Георгий Стефан вел переговоры с русским царем Алексеем Михайловичем о заключении договора. Представители княжества просили помощи в изгнании турок и татар, ходатайствовали о его вхождении в состав России. Молдавские посланцы настаивали, однако, на сохранении за властями княжества довольно большой самостоятельности во внутренних делах. Тогда сложная внешняя обстановка помешала действительному установлению тесных союзнических отношений.

В январе 1684 года группа молдавских светских и духовных феодалов отправила из Ясс в Москву, царям-соправите-

лям Ивану и Петру, своих послов. Вновь повторялась просьба о вызволении Молдавии от османской зависимости и принятии ее под высокое царское покровительство. В послании из княжества говорилось: «Сжальтесь над нами и избавьте нас от врагов наших, снарядив войско против огарян (т. е. турок.— *В. Е.*), а не то мы и вовсе сгинем: потому что не приходится нам ждать надежды на избавление от другой страны, кроме как от вашего просветленного царства...» И в этом случае развитие международных событий воспрепятствовало исполнению задуманного.

Но в конце столетия Молдавия опять обратилась к России. Во время первого своего господарства (1695—1700) Антиох, старший брат Дмитрия Кантемира, в шифрованном письме Петру I просил царя взять княжество под свою защиту. Антиох заверял Петра, что Молдавия перейдет на сторону России в случае, если та начнет войну против Турции, а ее войска вступят на территорию княжества. Однако и на сей раз царское правительство сочло прямое столкновение с Турцией преждевременным.

Став в 1703 году господарем Молдовы, Михай Раковица также намеревался заключить тайное соглашение с Петром, дабы завершить дело, начатое Антиохом Кантемиром. Но Порта зорко следила за Раковицей. Его план не увенчался успехом.

Внешнеполитическая программа прорусской партии и разделявших ее ориентацию господарей, несомненно, была про-

грессивной: помощь России в борьбе против турецких завоевателей отвечала жизненным интересам широких масс трудового народа Молдавии.

Развернувшееся в княжестве движение за усиление связей с Россией и Украиной объясняется не одними лишь политическими соображениями, но и общностью истоков культуры и религии. Принадлежность к православию тогда сближала народы. В Молдавии в церковной литературе, официальном делопроизводстве, в летописании и т. п. использовалась славянская письменность.

Неослабевающее стремление Молдавии к сближению с Россией нашло свое отражение и в молдавской литературе. Ее наиболее яркие памятники конца XVII — начала XVIII века — это оригинальные молдавские хроники видных бояр Николае Костина и Иона Некулче. Они повествуют о той борьбе, которая развернулась в среде господствующего класса по вопросам о направлении внешней и внутренней политики, об отношении к централизованной власти. Внутриполитическая программа молдавских летописцев была реакционной. Будучи идеологами крупного боярства, они выступали за укрепление боярской олигархии. Зато внешнеполитическую ориентацию хронистов нужно признать прогрессивной, ибо оба они выступали противниками турецкого ига. В этом их чаяния совпадали с интересами крестьян и ремесленников.

Укрепление экономических и политических связей Молдавии с Украиной и Россией благоприятно повлияло на продолжавшее-

ся и в тяжелых условиях турецкого господства развитие молдавской культуры. Русские архитекторы и иконописцы участвовали в создании выдающихся памятников молдавского средневекового искусства. В 1640 году, в правление Василия Лупу, благодаря содействию Киевского митрополита Петра Могилы (Мовилэ) в Яссах была открыта первая в Молдавии высшая школа — славяно-греко-латинская академия. В 1641 году с помощью городов Киева, Москвы и Львова в столице княжества была основана первая типография. Все это составило значительный вклад в обогащение культуры молдавского народа. Недаром известный молдавский просветитель митрополит Досифей писал в то время: «Свет из Москвы идет к нам». О тесных культурных связях Молдавии с Русским государством в начале XVIII столетия свидетельствует также дипломатическая и культурная деятельность Николае Милеску Спафария (Спэтару), протекавшая в обеих странах.

Таким образом, в конце XVII — начале XVIII веков политические и культурные отношения между Молдавией и Россией существенно расширились и окрепли. Возникли объективные предпосылки для образования военно-политического союза в борьбе против общего врага — султанской Турции.

Проводником этой идеи в жизнь выступил Дмитрий Кантемир,

I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. КАНТЕМИРА

Дмитрий Кантемир родился 16 октября 1673 года в семье мелкого молдавского бояриua, в округе Фэлчиу. Его отец, Константин Кантемир, последовательно поднимавшийся вверх по ступеням боярской иерархии, в 1685 году был возведен на господарский престол Молдавии (1685—1691). Этот правитель до конца жизни оставался малограмотным, едва умел расписываться. Зато мать Дмитрия Анна, происходившая из древнего рода молдавских бояр Бантышей, была достаточно образованной по тем временам. Кроме родного языка, она владела греческим и латынью.

Константин Кантемир постарался дать своим детям хорошее образование. Его жена сама занималась их воспитанием и обучением.

Начала знаний Д. Кантемир получил в родительском доме. Мать обучила его греческому и латинскому языкам. Потом появился домашний учитель монах Иеремия Какавела, книжник с широким кругозором. Он знал латынь, древнегреческий и новогреческий языки, побывал во многих странах Ближнего Востока и Европы.

Затем юный Кантемир поступил в Ясскую славяно-

греко-латинскую академию. Влияние этой школы наиболее ощутимо в первых сочинениях Кантемира «Диван, или Спор мудреца с миром, или Тяжба души с телом» и «Иероглифическая история», которые насыщены славянскими, греческими и латинскими словами.

Во времена подвластности княжества туркам его господарь обязан был посылать в Константинополь в качестве заложника, гарантии верности Порте, самого близкого своего родственника — сына или брата. В ноябре 1688 года 15-летний Дмитрий выехал в османскую столицу, чтобы сменить там в роли заложника старшего брата Антиоха. Свое пребывание в Константинополе, продолжавшееся до ноября 1691 года, он позже назовет «Босфорской ссылкой, такой же далекой, как и Египетское рабство». Тоскуя по родине, Д. Кантемир писал: «...шалаш в родной отчизне и землянка в своей земле краше и богаче, чем зáмки на чужбине».

В отличие от других заложников юноша Дмитрий Кантемир весьма плодотворно использовал свое пребывание в Турции. В Патриаршей академии Константинополя он посещал лекции просвещенных преподавателей, настойчиво изучал литературу. В Греческой академии Дмитрий слушает лекции по истории, философии, теологии, общается с ее учениками и учеными. Продолжая совершенствовать знание языков, он овладевает турецким и арабским.

В 1691 году Д. Кантемир возвращается на родину, в Яссы. После смерти отца (13 марта 1693 года) бояре выдвигают его на господарский престол. Однако из-за интриг, инициатором которых был валашский господарь Константин Брынковян, Порта не утвердила кандидатуру Дмитрия, и ему пришлось опять отправиться в Константинополь. На сей раз Д. Кантемир прожил там до 1710 года. Он подробно изучил историю Турции, собрал много рукописей, редких книг, раздобыл портреты султанов и другие материалы, относящиеся к прошлому и настоящему Оттоманской империи, которые до той поры были неизвестны европейским ученым. Вскоре молодой человек стал знатоком обычаев и нравов турок, подробностей происходящего в султанском дворе. Кантемир деятельно включился в научную и политическую жизнь константинопольского общества, приобрел в нем известность. Из близких его знакомых упомянем видного турецкого ученого Саади Эффенди, таких дипломатов, как Петр Толстой — русский посол в Турции, Ферриоль — французский посол и др.

На чужбине Кантемира ни на минуту не покидают мысли о Родине. Он подробно изучает историю своего народа, вынашивает замыслы его освобождения из-под турецкого ига.

В конце XVII — начале XVIII веков на международной арене произошли важные события, затрагивав-

шие судьбы порабощенных Турцией народов. Россия все больше утверждала свое положение великой европейской державы. Ее престиж заметно возрос после разгрома турок при штурме Азова в 1696 году и, тем более, победы русской армии над шведами под Полтавой в 1709 году. Встревоженные усилением могущества России западноевропейские правительства старались столкнуть ее с Турцией.

Подстрекаемая послами Англии и Франции и особенно шведским королем Карлом XII (бежав из-под Полтавы, он укрылся в Молдавии под защитой турецкого гарнизона Бендерской крепости), Оттоманская Порта готовилась к войне с Россией. Она укрепила свои позиции в Молдавии и Валахии. Подозревая Брынковяна, господаря Валахии, в неверности, Порта решает лишить его престола. Однако, не желая действовать открыто против этого богатейшего и влиятельного представителя валашского боярства, она предпочитала отстранить его от власти чужими руками, намереваясь использовать с этой целью Д. Кантемира.

По совету крымского хана, султан решил посадить Дмитрия на трон Молдавского княжества. В этом энергичном, знакомом с военным искусством молодом вельможе, за многие годы пребывания в Константинополе хорошо изучившем турецкие обычаи и политику, султан, надеялся найти ревностного исполнителя своей во-

ли. Мог ли он думать, что именно высокая образованность и проникновение в суть политики Порты будут побуждать Д. Кантемира к переходу на сторону России, чтобы попытаться ускорить освобождение своего народа от османского ига?

23 ноября 1710 года султан провозглашает Дмитрия Кантемира господарем Молдавии, 10 декабря он прибывает в Яссы — столицу княжества.

Новому господарю султан приказал подготовить молдавское войско к войне против русских и навести мосты через Дунай. Не менее важным было деликатное поручение: заманить Брынковяна к себе в гости, захватить его и отправить в Константинополь. Тут султан делал ставку на общеизвестную вражду между родами Кантемиров и Брынковянов. Он надеялся, что при господарстве Кантемира окажется невозможным сговор молдавского и валашского правителей о союзе с Россией. Однако султан и его советники ошиблись в расчетах.

В Европе происходят большие политические события. Кантемир внимательно следил за их развитием и пришел к выводу, что настало благоприятное время для освобождения горячо любимой им отчизны. Он прекрасно понимал, что предстоит упорная борьба и победу в ней сможет одержать лишь внутренне спаянная страна. Все принятые господарем Кантемиром внутриполи-

тические меры были направлены на объединение всех слоев молдавского общества под твердой властью. Вместе с тем он ясно осознавал и то, что одними своими силами Молдавия не сумеет разбить ненавистное иго. На кого же могла она опереться в борьбе против Турции?

Господарь Молдавии справедливо считал, что единственной державой, способной одолеть все еще могучую Оттоманскую империю и вызволить Молдавию из-под султанского владычества, в тот момент была Россия. Ее интересы оказались в непримиримом противоречии с интересами Турции, и военный конфликт между двумя огромными государствами стал неизбежен.

Исполненный веры в освободительную миссию России, Кантемир тайно связался через своего посла Стефана Луку с Петром I. Позже, вспоминая об этом событии, он писал, что, «отправив доверенное лицо к царю, предложил ему свои услуги и услуги своего княжества».

13 апреля 1711 года, спустя четыре месяца после восшествия Д. Кантемира на господарский престол, в Луцке был заключен договор о совместных действиях России и княжества против Турции для освобождения Молдавии из-под османского владычества и присоединения ее к России. Договор, состоявший из 17 пунктов, предусматривал восстановление старых границ Молда-

вии — до Днестра и Дуная, включая Буджак (южную часть Бессарабии).

Стороны согласились, что Молдавия, присоединясь к России, сохранит свою самостоятельность и не будет облагаться данью. Это обещало избавление народных масс от разорительных поборов. В княжестве предполагалось установить наследственную монархию, закрепив престол за династией Кантемиров. Введение прогрессивной для той эпохи формы правления положило бы конец засилью боярской олигархии. Крупные бояре не соглашались с этим положением договора, но изменить его уже не могли.

Подписание договора означало исторический поворот в судьбах молдавского народа. Однако, будучи искусным дипломатом, Кантемир до времени умело отводил от себя подозрения Порты, выдавая свои сношения с Россией за разведку в интересах Турции. Он решительно связывал будущее своей страны с Россией, зная о ненависти молдавского народа к османам-поработителям, о горячей его симпатии к русским-единоверцам. В союзе с Россией господарь видел также средство защиты собственных династических притязаний. Установление господарского самодержавия в Молдавии, по примеру царствования Петра I, обещало прекращение внутренних феодальных распрей. Во всех

этих отношениях выполнение договора полностью отвечало историческим потребностям развития Молдавии.

Отметим, что Константин Брынковян, господарь Валахии, через своих посланцев также выразил готовность выступить вместе с Россией против Турции. Но последующие события показали его непоследовательность.

В июле 1711 года молдавский народ с большой радостью встретил весть о вступлении русских войск на территорию своей страны для совместных действий против Турции. «Тогда все христиане радовались москалям» (т. е. русским. — *В. Е.*),— записал хронист Ион Некулче.

Прибыв в Яссы, Петр I с высоким уважением отнесся к своему союзнику — молдавскому господарю Д. Кантемиру, проявив к нему искреннее дружелюбие и доверие. При первой встрече царь, по словам И. Некулче, «обнял Д. Кантемира и целовал его лицо, глаза, как отец своего сына».

Оценивая государственную и полководческую деятельность Д. Кантемира, летописец писал: «Дела его могут быть похвальны». Он восторженно рассказывал об отваге молдаван и украинских казаков, сражавшихся вместе с русскими войсками против турецкой армии и ее отборных отрядов — янычар.

Но ситуация складывалась отнюдь не в пользу союзников. Год выдался на редкость засушливым. Па-

лящее солнце сожгло поля. Пересохли речки и колодцы. Не хватало провизии для солдат и фуража для коней. Начался голод. К тому же соотношение сил между воюющими сторонами оказалось далеко не равным. Против 30 тысяч русских и 10 тысяч молдаван Турция выставила более чем 200-тысячное войско. Валашский господарь Брынковян, вопреки недавним заверениям, не присоединился к русско-молдавскому войску и даже не поставил для него провизию. Во время боевых действий он выждал их результат и перешел на сторону сильнейшего. В самый критический момент военной кампании, когда воины Брынковяна могли нанести турецкому полчищу удар с тыла, решив тем самым исход сражения, этот господарь, в сущности, совершил предательство: не только не выступил на стороне русской армии, но и не пропустил через Валахию отряды сербов, шедшие на помощь русско-молдавскому войску. В довершение всего Брынковян передал туркам все продовольствие, предназначавшееся для союзных войск, что резко улучшило положение османской армии.

Впрочем, двойная игра не избавила предателя от возмездия. Когда Порте стали известны довоенные намерения Брынковяна, он был обезглавлен.

В сражении на Пруту русско-молдавское войско потерпело поражение. Тем не менее военный союз рус-

ского царя Петра I с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром существенным образом повлиял на развитие последующих исторических событий. Прутский поход стал первой из русско-турецких войн XVIII—XIX веков, которые подорвали мощь Оттоманской империи и сыграли решающую роль в освобождении из-под ее владычества Болгарии, Валахии, Молдавии, а также земель, ныне входящих в состав Югославии.

Разделяя горечь чувств порабощенного народа, Д. Кантемир упрекал «всемогущего» за его терпимость к вопиющей несправедливости. Средство избавления Молдавии из-под ненавистного османского гнета он видел только в помощи со стороны «великой северной монархии», как называл Россию. Поэтому-то Кантемир и заключил военно-политический союз с Петром I, присоединил свои войска к русским в битве против турок. «Во имя славных дел и во имя родного отечества,— заявил он,— я буду сражаться до последней капли крови». Патриотизм и дальновидность Кантемира нашли свое выражение в правильной оценке будущего развития исторических событий, в стремлении следовать чаяниям своих соплеменников, веками искавших сближения и союза с русским и украинским народами.

Дмитрий Кантемир был самым решительным, последовательным и бескомпромиссным сторонником ориентации на Россию. Заключая с Петром I договор о при-

соединении Молдавии к России, он знал, что ставит под угрозу жизнь своего старшего брата Антиоха, константинопольского заложника. Но даже это не остановило пламенного патриота.

Петр I высоко ценил союзническую преданность Д. Кантемира. При заключении мирного договора между Турцией и Россией после Прутского похода визирь требовал выдачи непокорного господаря. Но Петр I возразил: «Я дал (Кантемиру.— *В. Е.*) слово сберечь его и не изменю, лучше уступлю туркам землю до Курска: мне останется еще надежда возвратить ее, но нарушение слова невозвратимо. У нас ничего нет собственного, кроме чести, потерять ее — значит перестать быть государем».

После подписания Прутского мирного договора Д. Кантемиру, а вместе с ним еще четырем тысячам его соотечественников пришлось покинуть Молдавию. Они поселились в России.

Петр I по достоинству оценил заслуги Д. Кантемира и его соратников. Все молдаване, перебравшиеся в Россию, получили землю. По повелению царя Д. Кантемиру был присвоен наследственный титул князя.

Русский царь был высокого мнения о Кантемире как государственном деятеле и ученом. Об этом, в частности, говорит тот факт, что, когда Петр I задумывал создание российской Академии наук и художеств,

среди кандидатур на пост будущего ее президента фигурировал и Дмитрий Кантемир. Указом Петра Кантемир был наделен имением в Харьковской губернии, двумя домами в Москве, усадьбой «Черные грязи» (ныне Царицыно) в Подмосковье. Ему назначили ежегодную пенсию в шесть тысяч рублей.

В России Д. Кантемир поселился вначале в Харькове, а с 1714 года — в Москве. В усадьбе «Черные грязи» он разбил парк, при входе в который была построена по его собственному проекту церковь, сохранившаяся поныне.

Спустя два года после переезда в Россию Кантемира постигло большое горе — умерла его жена Касандра. Овдовев, он принял на себя все заботы по воспитанию своих шестерых детей. Старшей из них, Марии, тогда было тринадцать лет, а младшему, Антиоху, не исполнилось и пяти.

Занятость государственными делами и научная деятельность не мешали Кантемиру уделять большое внимание детям. Он во всем успевал, как свидетельствует в своих мемуарах его младший сын Антиох, благодаря строгому режиму дня. Именно в то время вдовствовавший Д. Кантемир написал, по предложению Берлинской академии, свою выдающуюся работу «Описание Молдавии». В 1714 году эта академия избрала его своим членом. Таким образом, он оказался первым российским

представителем в иноземной академии, так сказать, первым посредником в научных связях России и Западной Европы. Кантемир энергично включился в организуемые Берлинской академией диспуты, переписывался со многими учеными.

Через шесть лет после кончины жены Д. Кантемир теряет младшую дочь Смаранду, умершую шестнадцатилетней. Однако и этот удар не прерывает его упорного труда над своими сочинениями и занятий государственными делами. Уже больным Кантемир принял участие в Персидском походе Петра I, ведая его канцелярией, был автором прокламаций к жителям Закавказья, переводил на персидский язык воззвания Петра. Тут его болезнь обострилась (он страдал диабетом), и по повелению императора Кантемир возвратился в одно из своих имений — село Дмитровку Орловской губернии. Здесь 21 августа 1723 года, в возрасте пятидесяти лет, в расцвете творческих сил, Д. Кантемир скончался. Похоронен он был в Москве, в греческом монастыре, а в 1935 году, по просьбе правительства Румынии, останки бывшего господаря Молдавии были перевезены и захоронены в Яссах, былой столице Молдавского княжества.

Читателей, возможно, заинтересует дальнейшая судьба рода Кантемиров. У Антиоха, старшего брата Дмитрия Кантемира, детей не было. Сам Дмитрий от пер-

вого брака имел шестерых сыновей и двух дочерей. Старшей была Мария (1700—1754), за ней шли Смаранда (1703—1719), сыновья Матвей (1704—1771), Константин (1705—1747), Сергей (1706—1780), Антиох (1708—1744), Петр и Иван (умершие младенцами).

Напомним, что Дмитрий Кантемир стал одним из приближенных русского царя. В 1719 году, спустя шесть лет после смерти первой жены, Кантемир, по настоянию Петра I, женился на шестнадцатилетней княжне Анастасии, дочери князя Ивана Трубецкого. Шафером на свадьбе был сам царь, что лишний раз подтверждает его благосклонность к бывшему господарю Молдавии. В 1721 году Петр I возводит Д. Кантемира в чин тайного советника и вводит его в состав сената.

От второго брака у Кантемира родилась дочь Смаранда-Екатерина, впоследствии вышедшая замуж за князя Михаила Голицына. Марию, старшую дочь Д. Кантемира, современники находили очень красивой и хорошо образованной. Из-за постигшего ее в молодости разочарования она предпочла отказаться от возможного супружества.

Двое сыновей Д. Кантемира — Матвей и Константин — стали капитанами лейб-гвардии Преображенского полка. Первый был женат на дочери князя Я. Лобанова-Ростовского, второй — на дочери князя Д. Голицына. Детей оба не имели. Сергей, дослужившийся до

бригадного генерала, участник штурма Очакова, так и не женился. Холостяком остался также Антиох, писатель и дипломат, представлявший Россию во Франции и Англии. Интерес к литературному творчеству у Антиоха пробудился под отцовским влиянием. Невольно напрашивается параллель между аллегорическим философским романом Дмитрия Кантемира «Иероглифическая история», в котором он беспощадно высмеивал жадность, трусость, коварство и продажность молдавского боярства, и сатирами Антиоха, изобличающими подобные же пороки российского дворянства.

Итак, сыновья Д. Кантемира не оставили потомства. В конце XVIII века род Кантемиров пресекся. Но славные дела Д. Кантемира увековечили его имя. Да и младший из его сыновей — Антиох, по справедливому мнению В. Г. Белинского, не будет забыт как один из основателей новой русской литературы.

В научно-литературной деятельности самого Дмитрия Кантемира можно выделить два периода. Первый совпадает с его пребыванием в Константинополе и Яссах, второй — в России. Сочинения первого периода несовершенны, в них еще очень много средневекового мистицизма. Произведения второго периода отличаются зрелостью. Они основываются на углубленном изучении событий и явлений, при их написании автор пользовался многочисленными источниками.

Научные интересы Д. Кантемира весьма обширны. Он написал сочниения по философии, логике, этике, истории, политике, географии, востоковедению и др. Первой его изданиой работой был философский трактат «Диван, или Спор мудреца с миром, или Тяжба души с телом». Это произведение увидело свет в августе 1698 года в Яссах, будучи напечатано на молдавском и греческом языках.

Книга, состоящая из трех частей, написана в форме диалога между мудрецом и миром. Под мудрецом Кантемир подразумевал человеческую душу, под миром — тело. В трактате ощущается сильное влияние Библии и философии Аристотеля. Свои этические взгляды молодой Кантемир вкладывает в уста мудреца, проповедующего, что все земное преходяще, временно, обманчиво. Он осуждает бесчестье, обман, алчность сильных мира сего, призывает читателя встать на путь добродетели, ограничения суетных прихотей. В сочинении предпринята попытка дать с позиции христианской морали свод правил, норм поведения современного автору феодального общества. Заметим, что в «Диване...» положено начало созданию молдавской философской терминологии.

В другом, более позднем и меньшем по объему произведений «Хвала ван Гельмонту» Д. Кантемир выразил восхищение философией голландского естествоиспы-

тателя, придерживавшегося в отдельных вопросах материалистических принципов.

Весной 1700 года, вновь находясь в Константинополе, Д. Кантемир написал философскую работу «Неописуемый образ священной науки», рукопись которой сейчас хранится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. «Образ...», как для краткости мы будем называть это сочинение, представляет собой известный шаг вперед в развитии воззрений мыслителя. Хотя Д. Кантемир разделяет теологический взгляд на строение мира, в отдельных местах нового произведения он объясняет явления природы с точки зрения тогдашнего естествознания. Наиболее интересна четвертая глава «Образа...». В ней рассматриваются проблемы мироздания, а также ряд философских категорий — время, пространство, движение, необходимость и случайность и др. В трактовке этих категорий Д. Кантемир во многом следует древнегреческим материалистам-атомистам.

Примерно тогда же он написал «Всеобщую сокращенную логику». Рукопись ее на латинском языке хранится в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов СССР. И этот небольшой труд свидетельствует, что Кантемир в подходе к некоторым вопросам философии придерживался передовых для своего времени взглядов.

Обладая обширными музыкальными познаниями,

Д. Кантемир создал несколько музыкальных произведений, впервые разработал нотную систему для восточной музыки, используя арабский алфавит.

В 1705 году Кантемир завершает работу над аллегорическим романом «Иероглифическая история» — первым в молдавской литературе произведением этого жанра, впрочем, изданным лишь в 1883 году. Действующие лица романа — звери, птицы, насекомые. Однако читатель не остается в неведении, кто скрывается за этими тварями. Автор в конце книги называет имена государственных и политических деятелей, облаченных в романе в шкуры зверей и перья птиц. Сочинение насыщено интересными социально-политическими и философскими идеями.

Оставляя в стороне оценку художественных достоинств произведения, кратко остановимся на его политической направленности. При поверхностном знакомстве с событийной канвой романа может показаться, будто Кантемир преследовал узкую цель — нанести удар по своим личным врагам и недругам своей семьи. Однако основной смысл произведения не сводится к описанию козней семейства Брынковянов против Кантемиров. Перипетии вражды господарских династий Молдавии и Валахии образуют лишь фон, на котором красочно и довольно убедительно нарисованы нравы господствующих классов и социальных группировок двух княжеств,

беспощадно изобличаются продажность и коварство крупных бояр, их алчность и кровожадность. Автор выражает симпатии к закабаленным крестьянам, называя их пчелами, чьим медом питаются люди его круга.

«Иероглифическая история», повторяем, выходит далеко за рамки простого повествования о династических распрях Брынковянов и Кантемиров. Это, скорее, политический роман, посвященный трагедии соседних княжеств. Ведь от противоборства господарей Молдавии и Валахии выигрывала только Порта, которой легче было держать в повиновении порабощенные народы, когда их правители враждовали. Но, разумеется, все эти положения истолковываются с позиций феодала, господарского сына, преданного династическим интересам своего рода.

Качественно новый этап в творчестве Д. Кантемира начинается с его переездом в Россию. Произведения этого периода отмечены зрелостью мысли, определенностью взглядов. Мыслитель выступает как один из передовых российских политических деятелей и ученых, оставаясь молдавским патриотом и борцом за независимость Молдавии, непримиримым врагом Оттоманской Порты.

В 1714 году Д. Кантемир написал скромную по объему, но очень важную в философском плане книгу «Исследование природы монархий», рукопись которой

теперь находится в Ленинграде, в Библиотеке Академии наук СССР. В этом сочинении Кантемир говорит о величии Российского государства, о его исторической миссии в борьбе против Турции, которая тормозит развитие не только малых христианских стран, ей подвластных, но даже и самой России. Мыслитель приходит к выводу о необходимости устранить с пути исторического развития Восточной и Южной Европы агрессивную Оттоманскую империю.

Эта работа, как и «Темные места в катехизисе», о которых речь пойдет ниже, имеет, на наш взгляд, особое значение для характеристики мировоззрения Д. Кантемира и представляет определенную ценность для познания общественно-политической мысли России времен Петра I. Всем содержанием книги Кантемир явно стремился склонить русского царя к энергичному продолжению борьбы против Турции. Правда, здесь сказалась и надежда на возврат утраченного молдавского престола.

Между 1714—1716 годами Д. Кантемир написал на латыни крупное произведение «История роста и упадка Оттоманской империи». По некоторым данным, это произведение в 1725 году было переведено на русский. Так, румынский исследователь П. П. Панаитеску сообщает в одной из своих статей, что, по поручению Петра I, Д. Грозин перевел труд Кантемира на русский

язык и он якобы был напечатан. Интерес царя к сочинению Кантемира вполне объясним: книга посвящена вопросам, глубоко волновавшим русское общество. Впрочем, царь вряд ли успел ознакомиться с изданием, если оно состоялось. К сожалению, несмотря на наши тщательные розыски в центральных и местных архивах и библиотеках, русский перевод книги Д. Кантемира обнаружить не удалось.

В 1732 году Антиох Кантемир, назначенный послом России в Англии, взял с собой латинскую рукопись «Истории Оттоманской империи», и в 1734 году, то есть через одиннадцать лет после смерти Дмитрия Кантемира, она вышла в свет в английском переводе Н. Тиндала. В 1743 году книга издается на французском, в 1745 — на немецком, а в 1756 переиздается на английском языке. На румынский она была переведена И. Ходосиу и опубликована в 1876—1878 гг. Как видим, этот труд Д. Кантемира получил широкую известность и за два десятилетия принес автору заслуженную славу ученого с европейским именем.

Для создания этого фундаментального произведения (в четырех томах) Д. Кантемир привлек огромный фактический материал, использовал свои личные наблюдения и записи, сделанные еще в Константинополе. В сочинении систематически и строго в хронологическом порядке изложена история Турецкого государства, под-

робно описаны его учреждения. Книга открывала перед западными историками недоступные им ранее восточные источники, и сам автор считал это чрезвычайно важным. Обширные комментарии Д. Кантемира, относящиеся к политическому строю Оттоманской империи, в которых он дал ему оценку и выразил непримиримое отношение к агрессивной политике Порты, имеют исключительное значение для изучения общественно-политических воззрений мыслителя. Он с душевной болью говорит о своей многострадальной родине — Молдавии, стонущей под пятой турецких султанов, и горячо ратует за ее освобождение. Оказавшись в России, Д. Кантемир смог объективно и в то же время политически остро сформулировать свое отношение к султанской Турции, предсказал ее падение, потерю владычества над Балканскими странами.

Произведение Кантемира читал великий английский поэт Д. Байрон, о чем свидетельствуют V и VI песни «Дон-Жуана». Французский писатель и философ Вольтер назвал Кантемирову «Историю Оттоманской империи» своей настольной книгой по Востоку. Целое столетие, вплоть до 1855 года, когда появилась книга австрийского историка И. Гаммера-Пургшталя «История Оттоманской империи», труд молдавского мыслителя оставался, по существу, единственным и наиболее важным исследованием по истории Турции.

Кстати, немалый интерес представляет и план Константинополя, составленный Д. Кантемиром и выгравированный в меди Алексеем Зубовым. В настоящее время он хранится в ленинградском Эрмитаже.

Как уже говорилось, по предложению Берлинской академии наук, Д. Кантемир выполнил работу, посвященную Молдавии. Он закончил ее к 1716 году. Рукопись этого сочинения — «Описание Молдавии» — на латинском языке с приложенной к нему составленной автором географической картой находится в Институте востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде. Д. Кантемир намеревался перевести свое произведение на молдавский язык, но не успел сделать этого, и при его жизни оно вообще не было издано. Попытка Антиоха Кантемира опубликовать труд отца в Гааге также не увенчалась успехом. «Описание Молдавии» впервые увидело свет в 1769 году в Гамбурге на немецком языке. В 1771 году в Лейпциге вышло второе немецкое издание, подготовленное петербургским профессором Ф. И. Мюллером. На русский язык «Описание Молдавии» было переведено с немецкого Василием Левшиным и издано в Москве в 1769 году под следующим названием: «Дмитрия Кантемира, бывшего князя Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии». В 1825 году Василий Вырнав перевел «Описание...» с немецкого на молдавский, оно

было напечатано в монастыре Нямц, а в 1851 году переиздано К. Негруци в Яссах. Затем в 1872 году в Бухаресте издали латинский текст книги, а в 1875 году — перевод И. Ходосиу с латыни на румынский язык. В 1923 году книга была вновь переведена с латинского на румынский Г. Паску, в 1942 году — Г. Адамеску. В Социалистической Республике Румынии «Описание Молдавии» издавалось в 1956 году в переводе с немецкого П. Пандря. В Молдавской ССР это произведение впервые опубликовано на молдавском языке в 1957 году.

Все упомянутые издания и переводы страдали более или менее серьезными погрешностями. Возникла настоятельная необходимость точного перевода труда с латинской рукописи на молдавский и русский языки. Ценой больших усилий автору этих строк удалось обнаружить три экземпляра рукописей «Описание Молдавии» — два из них начала XVIII века. Они были переданы Л. Панкратьеву, который и осуществил отвечающий новейшим требованиям перевод «Описания...» с латыни на русский язык, который вышел в свет в 1973 году в издательстве «Картя Молдовеняскэ». То же издательство в 1975 году выпустило эту книгу в новом переводе с латинского на молдавский язык, принадлежащем Н. Костенко.

«Описание Молдавии» поныне сохранило значение ценнейшего источника для изучения истории Молдавии

конца XVII — начала XVIII века. К тому же оно помогает уяснить мировоззренческие концепции Д. Кантемира.

Книга состоит из трех частей: I — географическая, II — политическая, III — об устройстве церкви и образования в Молдавии. В целом это подробный рассказ о самых разнообразных сторонах жизни родной автору страны. Он повествует о состоянии хозяйства, составе населения, государственном строе княжества, его общественных институтах, обычаях народа. Но Д. Кантемир не ограничивается одним лишь описанием. Он приходит к некоторым весьма интересным обобщениям. Собственно, он положил начало созданию экономической и физической географии Молдавии.

Большое место в книге отведено политическому строю княжества. Заметим, однако, что автор склонен к идеализации прежних порядков. С горячей любовью и патриотической гордостью Д. Кантемир пишет о своей родине, соотечественниках, веками мужественно борющихся против турецких завоевателей за свою независимость. Книга пронизана непримиримой ненавистью к самому лютому врагу Молдавии и ее народа — Оттоманской империи.

Темы, затронутые в труде Кантемира, настолько многообразны, что книга стала подобием энциклопе-

дического справочника о Молдавии конца XVII — начала XVIII веков. Это, понятно, не значит, будто в ней нет упущений, не говоря уже о неточностях в характеристике природных условий, отдельных видов животных и т. д.

Д. Кантемир начинает свой труд с попытки объяснить древнее и новое наименования родного края, исходя из письменных источников и народных легенд. Затем он очерчивает старые и современные ему границы Молдавии, повествует о положении страны в различные периоды ее истории и подробно останавливается на внутреннем и внешнеполитическом состоянии.

Рассказывая о природных богатствах страны, ее ископаемых, судоходных реках, изобильных дичью кодрах, Д. Кантемир заявляет, что страна располагает всем необходимым для хозяйственного процветания. Однако ее разоряет турецкое разбойничье владычество, а внутриусобные распри бояр ослабляют силы Молдавии, идут на пользу Порте. Кантемир не устает повторять, что турецкое иго губительно для Молдавии, его необходимо свергнуть.

И в этом произведении Кантемир выступает поборником укрепления центральной власти — господарского самодержавия. Он пишет, что до установления турецкого господства молдавские господари имели абсо-

лютную власть, но после того бояре ее ограничили, и это, по мнеиию Кантемира, пагубно сказалось на жизни страны.

Все содержание «Описания Молдавии» говорит о знакомстве его автора с передовыми идеями своей эпохи.

В 1717 году Д. Кантемир закончил еще одно значительное произведение — «Хронику стародавности романо-молдо-влахов» (рукопись храннтся в Центральном государственном архиве древних актов СССР). Оно было написано на латинском языке, ио Кантемир, движимый, по его словам, патриотическими чувствами, в 1721 году перевел «Хронику...» на молдавский. Это сочинение посвящено историческим событиям, происходившим на землях Молдавии и Валахии до XIII века. Автор намеревался продлить свой труд, однако не успел осуществить свой замысел.

Работая над «Хроникой...», Кантемир использовал огромное количество источников. Так, он ссылается на 154 авторов, среди них Птоломея, Плутарха, Плиниев, старшего и младшего, турецкого историка Саади, молдавских летописцев Григория Уреке и Мирона Костина. Помимо молдавских н валашских летописей, Кантемир обращается к венгерским и польским хроникам, славянским летописям и др.

Д. Кантемир не ограничивается простым запечатленнем событий и фактов, но всесторонне рассма-

тривает их, делает по ним собственные заключения. Он стал первым из молдавских ученых-историков, сменивших былых летописцев. Свои выводы и суждения мыслитель подкреплял многочисленными примерами, почерпнутыми из прошлого. По мнению Кантемира, борьба молдаван и валахов за свою независимость, государственную самостоятельность против иноземных угнетателей, особенно против Оттоманской империи, вполне закономерна, порождена всем ходом исторического развития. Эти положения выдвинуты в первой части произведения, являющейся как бы ключом к дальнейшему повествованию.

Поясняя начала методологии исторических исследований, Д. Кантемир рассматривает такие проблемы, как причина и следствие, объективность мира и его познаваемость и др.

Любопытна авторская оценка роли в мировой истории славян вообще и русского народа в частности. Кантемир с искренней любовью говорил о России, о русских, на протяжении веков героически отражавших натиск врагов, которые пытались поработить их страну. Истории своей второй родины — России — молдавский мыслитель посвятил целую главу.

В 1716—1718 годах Д. Кантемир написал два историко-биографических очерка. В одном из них —

«Жизнь Константина Кантемира» (рукопись хранится в Институте востоковедения Академии наук СССР) — излагается родословная Кантемиров со времен Стефана Великого. Главная цель сочинения — обосновать желательность и законность установления наследственной монархии Кантемиров в Молдавском княжестве. Проводя эту идею, автор приукрашивает роль своих предков в некоторых событиях, нарушая историческую правду.

В другой работе — «События из жизни Кантакузинов и Брынковянов» — описываются интриги и борьба двух знатных боярских родов Валахии и Молдавии за верховенство и обладание господарским престолом.

В 1720 году Д. Кантемир в сочинении «Темные места в катехизисе» вступил в полемику с Феофаном Прокоповичем, видным церковным иерархом, приближенным Петра I. Здесь высказан ряд небезынтересных мыслей о воспитании молодежи. Кантемир выступил против насилия над личностью молодых людей, против ранних браков по принуждению — ради корысти и породнения со знатными и влиятельными фамилиями. На его позиции, несомненно, отразился дух петровских преобразований.

Последнее произведение Д. Кантемира — «Книга системы, или О состоянии мухаммеданской религии». Оно

написано им в 1719 году на латинском языке в связи с подготовкой к Персидскому походу. На русском языке книга в переводе Ивана Ильинского опубликована в декабре 1722 года. О тогдашней злободневности книги можно судить по указу Петра I от 18 июля 1722 года, которым император предложил синоду прекратить сопротивление изданию и проволочки, быстрее напечатать труд и переслать его в действующую армию. Рассматривая содержание этого сочинения, следует заключить, что оно преследовало две цели: во-первых, раскрыть политическую сущность ислама, который, объявляя долгом мусульман «газават» или «джихад» — «священную войну» против «неверных», на деле призывал к захвату чужих земель; во-вторых, разоблачить религиозные предрассудки и суеверия, чтобы расчистить пути для распространения науки и просвещения.

В работах Д. Кантемира российского периода поднимались животрепещущие как для Молдавии, так и для России того времени вопросы. Важнейший среди *них — борьба с Оттоманской империей*. Все произведения Д. Кантемира, написанные после 1711 года, как справедливо заметил румынский историк П. Панаитеску, в той или иной форме поддерживают политическую линию Петра I, его прогрессивные реформы (конечно, не следует забывать, что даже самые просвещенные феодальные правители, в том числе и Петр, не жалели

усилий для защиты и укрепления крепостнического строя). Но книги Кантемира были и оружием, которым он продолжал борьбу за освобождение своей родины.

Сочинения Д. Кантемира условно могут быть разделены на три группы: 1) философские — «Хвала ван Гельмонту», «Диван, или Спор мудреца с миром, или Тяжба души с телом», «Неописуемый образ священной науки», «Логика», «Исследование природы монархий», «Темные места в катехизисе»; 2) исторические — «История роста и упадка Оттоманской империи», «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», «Жизнь Константина Кантемира», «События из жизни Кантакузинов и Брынковянов», «Книга системы, или О состоянии мухаммеданской религии», «Описание Молдавии», «Восточные коллекции»; 3) литературные и искусствоведческие — «Иероглифическая история», «Трактат о музыке». Труды Д. Кантемира сыграли значительную роль в формировании и развитии общественно-политической и философской мысли, а также литературы Молдавии и Валахии XIX века.

Отдавая много силы научной работе и семейным заботам, Кантемир не оставлял государственной деятельности. Сенатор и советник царя, он принимал участие в решении вопросов государственной важности, особенно связанных с отношениями со странами Востока. Все

прожитые в России годы в многочисленных письмах и обращениях, адресованных высокопоставленным особам и самому Петру I, он ратует за вызволение Молдавии из-под турецкого ига. Однако для России еще не настало время победоносных войн с Оттоманской империей. Освобождение Молдавии и других стран Балканского полуострова пока оставалось задачей будущего.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЯ И ИХ КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Круг вопросов, охватываемых произведениями Д. Кантемира, довольно обширен. В своих трудах он высказал собственные взгляды на многие явления природы и жизни общества, выдвинул оригинальные идеи.

Справедливости ради, сразу же отметим, что Кантемир не смог полностью освободиться от груза средневековой схоластики, оставался человеком своей эпохи и сыном своего класса. Однако, как учил В. И. Ленин, мы должны судить исторические заслуги деятелей прошлого не по тому, чего они не дали, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками. Д. Кантемир решительно перешел, например, от летописания к историческому повествованию, базирующемуся на исследовании документов, официальных источников, княжеских грамот и летописей.

Внимание мыслителя постоянно привлекают проблемы истории, экономики, роль выдающихся политических личностей. В своем «Исследовании природы монархий» он развивал мысль о закономерном и неизбежном перемещении центра всемирной цивилизации на Север, то есть в Россию. В принципе разделяя господ-

ствовавшую в средние века концепцию последовательного чередования мировых монархий, он пытался связать ее с воздействием природных условий и распространением просвещения.

В суждениях по этому вопросу у Кантемира преобладают ссылки на естественные, особенно на географические, факторы. По его мнению, мировые монархии развиваются «в соответствии с законами природы».

Всемирную северную монархию — Россию, последнюю по счету и времени возникновения, Д. Кантемир считал законной преемницей западных монархий. Все прошлые монархии оказывались недолговечными, хотя их возникновение было «согласно... с вращательным движением природы». Россия же, как полагает и пытается доказать Кантемир, будет не просто наследницей предшествующих монархий, но достигнет гораздо более высокой ступени. «Уже сейчас приближаются времена (в связи с непрерывным ходом действия природы),— писал он,— когда будут раскрыты многие тайны природы (предчувствуемые, но неизвестные смертным). Уже с этих пор четвертая монархия, северная, должна начать расти. Приближаются времена.., когда придет мать наук и засияют куда более великие дела, нежели в предшествовавших монархиях». Если подразумевать под «монархией» страну, то тут можно усмотреть замечательное предвидение будущего России.

Ссылкой на воздействие географических условий ученый пытался объяснить и некоторые стороны социально-политического строя Молдавии, в частности, особенности положения в ряде областей княжества. В трех из этих областей крестьяне «...не подчиняются боярам (т. е. не закрепощены.— *В. Е.*); эти районы являются как бы отдельными государствами». Что же помогает трудящемуся населению этих земель сохранять бо́льшую по сравнению с другими молдавскими областями свободу?

Область Кымпулунг в Сучавском уезде окружена сплошной цепью высоких гор. Маленькая Вранча в Путнянском уезде, вблизи границ с Валахией, также опоясана труднопроходимыми горами. Область Тигеч в уезде Фэлчиу «...представляет собой местность, покрытую лесом, на границе с буджакскими татарами и является прочным оплотом для той части Молдавии, которая лежит между рекой Хиерас (Прут. — *В. Е.*) и Бессарабией» (имеются в виду южные окраины Бессарабии). Естественные преграды, утверждал Д. Кантемир, помогают этим «отдельным государствам» отстаивать самостоятельность и независимость.

Форма правления, социальные взаимоотношения населения, его хозяйственные занятия — все это также определяется географическими условиями. Горные жи-

тели, например, «...не занимаются обработкой пашен... Весь свой труд они вкладывают в заботу об овцах».

Темперамент, характер и обычаи людей, по Д. Кантемиру, опять-таки складываются под влиянием географического фактора. «...Как различен бывает климат в провинциях Молдавии, так и различны у молдаван обычаи». Климат и рельеф составляют, по мнению мыслителя, главный источник своеобразия народного характера, обычаев, экономического уклада и даже государственного устройства. Такая оценка роли географической среды — это по тем временам огромный шаг вперед в признании значительной роли материальных условий общественного развития в противовес учению о «божественном предопределении», Д. Кантемир выступает достойным предшественником Ш. Монтескье (1689—1753), одного из основателей «географической школы» в социологии.

И во взглядах на происхождение государства и власти Д. Кантемир отказался от теологической трактовки. Он придерживался прогрессивной для его эпохи концепции общественного договора. Государство и власть, полагал мыслитель,— это продукт разумной воли народа. Люди договорились между собой, добровольно отказались от своих естественных прав и свобод в пользу монарха и признали за ним неограниченную власть над собой, дабы он обеспечил соблюдение

и защиту этих прав и свобод. Теория общественного договора наносила удар по теологическому учению о «божественном происхождении» государства, власти и суверенов (господарей, королей, царей, императоров). Однако, повторяем, было бы неверно утверждать, будто Кантемир полностью освободился от элементов теологии в своем мировоззрении.

Общество, как и природные объекты, говорил молдавский мыслитель, развивается согласно естественным законам и имеет свои этапы: рождение, становление, старение, смерть. В «Исследовании природы монархий» он писал: «Каждая начальная стадия событий... заключает в себе последующую стадию.., непрерывный естественный порядок действует сообразно с законами природы; ...всякое начало будет иметь и свой конец»; «...В соответствии со способом существования природы, то есть рождения и смерти, монархии проходят некий естественный и неизменный круг таким образом, что в них сохраняется необходимый порядок прошлого, настоящего и будущего, как и в остальных явлениях природы».

Нетрудно заметить, что Кантемир ограничивал понятие развития, сводя его к круговому движению, при котором все новое в конечном итоге является повторением старого, то есть уже бывшим ранее. В данном случае, однако, важен сам факт признания мыслите-

лем развития, движения. Пусть новое повторяется в некоем круговороте, оно ново именно потому, что появляется не на том же месте, а на другом. Следовательно, новое не во всем совпадает со старым. Притом развитие, движение может идти по разным направлениям. Так, по убеждению Кантемира, развитие Русского государства идет по восходящей линии, такая же возможность существует для Молдавии. Между тем рассмотрение огромного фактического материала по истории Турции привело его к выводу, что развитие Оттоманской империи идет по нисходящей линии.

Причинами возвышения и упадка общества и государства Д. Кантемир признавал нравы, господствующие в стране, и политику ее правителей. Останавливаясь на обстоятельствах подъема Молдавского княжества, он вспоминал времена Александра Доброго и Стефана Великого, когда чувствовалась сильная рука властелина, когда не было столь частых, как позже, боярских распрей и междоусобиц. Народ, сплоченный вокруг господаря, с честью отстаивал свободу и независимость родины. Впрочем, недавний господарь и поборник наследственной монархии не мог не идеализировать правление Александра Доброго и Стефана III.

Пытаясь заглянуть в будущее своей страны, ученый обращал особое внимание на социально-экономические

и природные факторы. Он стремился вскрыть причины, задерживающие экономическое развитие столь щедро наделенной естественными богатствами Молдавии. Кантемир писал: «...еще в старые времена добычу их (руд.— *В. Е.*) сдерживало отсутствие инициативы у господарей, с одной стороны, а с другой — недостаток рудокопов... В наше время молдаванам в разработке руд препятствуют обычная алчность турок и опасения, как бы вместе с потерей плодоносного слоя земли не потерять труд, затраченный на поиски рудных богатств». Другую причину ничтожности горнорудного промысла в княжестве мыслитель усматривал в запрещении Оттоманской Порты продавать железную руду в Польшу (раньше руда в большом количестве вывозилась в Каменец). Турция боялась, что это железо пойдет на изготовление угрожающих ей военных орудий. А в самой Молдавии нет рудоплавильных печей, и потому богатые рудные залежи не используются для развития местных ремесел.

Будь устранены все внутренние и внешние причины на пути хозяйственного развития Молдавии, она не уступала бы по процветанию никакой из соседних стран, заявлял Д. Кантемир. Описывая богатства своей родины — ископаемые, леса, сады, виноградники и другие, он особо выделял значение животноводства и пчеловодства в экономике княжества.

Не менее важной для хозяйственного подъема страны Д. Кантемир считал торговлю, тогда сосредоточенную в городах, в первую очередь — портовых. Однако объем торговли и прибыли от нее оставались намного меньше действительных возможностей княжества из-за пренебрежительного отношения бояр к купечеству и нежелания горожан заниматься торговлей. «...Редко среди молдаван бывают торговцы,— заметил Кантемир в «Описании Молдавии», — ибо им присуща гордость или отсутствие предприимчивости, и они считают, что всякого рода торговля недостойна их, за исключением продажи плодов земли, собранных в своих владениях. Я думаю, что это является одной из основных причин, почему редко можно найти зажиточного горожанина из молдаван и почему наша страна постоянно страдает от недостатка денег, хотя вывозит за границу гораздо больше, чем оттуда ввозит». Нерасторопность молдаван-горожан, по его мнению, привела к тому, что всю торговлю захватили в свои руки иностранные купцы, наживающие огромные капиталы.

О причинах, сдерживающих развитие торговли и рост городов в Молдавии, Кантемир говорит неоднократно. Он отмечает, во-первых, то же высокомерно-презрительное отношение феодалов к купеческому сословию и отсутствие национального купечества, а во-вторых, последствия турецкого гнета. Свобода городов

«давала возможность им расти, а несправедливая и враждебная процветающему государству тирания лишила Молдавию общественного прогресса». Рассуждая о развитии городов (главным занятием их жителей было ремесло), а также о доходах господаря от городов (они составляли одну шестую всех его доходов), Д. Кантемир не забывал подчеркивать и роль купечества в укреплении экономики страны.

Молдавское феодальное сословие Д. Кантемир делил на три группы в зависимости от знатности, государственной должности и имущественного положения.

Как и большинство идеологов господствующих классов антагонистических обществ, Кантемир придерживался неверного убеждения, что историю творят отдельные выдающиеся личности (монархи, полководцы), чьи деяния определяют не только ход событий, но и саму структуру общества. По его мнению, именно молдавские господари разделили господствующий класс княжества на три «степени». «Первое место, — писал он,— было отдано боярам и именно тем, кто выдвинулся на высшие государственные должности, или тем, кто родился от таковых... На втором месте считались куртени, придворные, которые получили в наследство от предков одну или же две деревни и которых русские называют дворянами. Третье место занимают калараши, т. е. всадники, которые за пользование землями,

пожалованными им господарями, должны постоянно сопровождать их в походах на своем собственном иждивении».

Как некий промежуточный слой между господствующим классом и крепостным крестьянством Кантемир выделяет резешей, «...которых мы предпочитаем называть свободными земледельцами, чем знатью». Резеши, в отличие от всех других феодалов, «...не владеют крестьянами, преимущественно живут вместе в одной деревне...» От крепостных крестьян они отличались тем, что были лично свободны и имели во владении землю. Д. Кантемир обращал внимание на все усиливавшееся расслоение резешей. Часть из них эксплуатировала труд крепостных; другие, победнее, сами обрабатывали свою землю; третьи же разорялись настолько, что закрепощались.

Среди низших слоев общества Д. Кантемир упоминает горожан, крепостных и рабов-цыган. Горожане лично свободны и подчиняются только господарю, а крепостные работают и на господаря, и на феодала. Самый низший «разряд» — цыгане. Они «...рассеяны по всему государству, и нет почти ни одного боярина, который бы не владел несколькими цыганскими семьями».

Кантемир осуждал случаи порабощения резешей феодалами (крепостной резеш уже не мог оставаться

опорой господарской власти). Однако закрепощение крестьянства он находил вполне естественным, хотя признавал, что основные производители материальных благ — именно крестьяне, а не бояре и «шляхта», как он именовал мелких феодалов. Крепостных крестьян мыслитель, как уже говорилось, называл пчелами, «за счет труда которых живут все остальные». Он выступал против крайностей феодальной эксплуатации — неограниченного по времени принудительного труда. Да и произвольное завышение господарями размера податей, по его мнению, способствовало тому, что молдавские крестьяне — самые бедные «...по сравнению со всеми крестьянами мира».

Ни происхождение Д. Кантемира, ни принадлежность к правящей верхушке общества не помешали ученому видеть социальное неравенство и сочувствовать трудовым массам. «Человек называется господином не потому, что он как человек имеет раба, а потому, что он есть господин раба». Он признавал, что социальное неравенство, отношения господства и подчинения не порождены биологическим неравенством людей. Человеческое неравенство — это довольство имущего и страдания неимущего: «Богатый смеется, а бедный плачет». В обществе имущих и неимущих иного и быть не может, ибо «благополучие и величие одних невозможны без несчастья и унижения других».

Примечательно убеждение вельможи Кантемира, что труд облагораживает человека. Чтобы жить, человек должен трудиться: «Не лентяю, а трудовому человеку посылает бог свои дары». Но это восхваление труда имеет двоякий смысл. Оно, с одной стороны, звучит упреком прозябающим в праздности боярам, а с другой — призывом требовать бо́льшей производительности от крепостных крестьян.

. Д. Кантемира волновали многие проблемы морали: честь и совесть, благородство и корыстолюбие, любовь и отвращение, взаимоотношения отцов и детей. Совесть — это не нечто сверху данное, исключительное, а черта, присущая каждому человеку. «Совесть,— писал он Г. Головкину, ведавшему в правительстве Петра I иностранными делами,— не есть какое-либо особливое и различное от человека существо... Добро — не ангел, зло — не дьявол, а есть простое понимание человеком их сути».

Мыслитель выступал против домостроевской родительской тирании, высказывая прогрессивные взгляды. «Как сын грешил бы, без благословения родителей вступая в брак, так грешат родители, кои насильно заставляют своих детей не по любви идти на это. Например, если бы родители принуждали своего семнадцатилетнего сына взять в жены сорокалетнюю или шестидесятилетнюю, но с каким-либо физическим не-

достатком, и лишь только ради ее богатства или знатности рода. Он же ни богатства, ни благородства не желал, кроме как жены по велению своего сердца, и умолял своих родителей о согласии... Но если родители в своей ненасытной жадности к богатству и знатности непреклонны, то лишь оскорбили бы душу своего сына. В таком случае, думаю, сын не обязан повиноваться таким родителям».

Как видно, в этих рассуждениях вопросы семейного устройства сближаются с проблемой свободы личности в условиях социального неравенства. И здесь Кантемир исходит из концепции естественного права, полагая, что молодые, любящие друг друга, имеют все основания не подчиняться родителям, которые насилуют их волю в своекорыстных целях. Обоснования своей точки зрения на естественное право ученый ищет в прошлом Молдавского княжества, когда, по его словам, «воля государей и естественное право имели силу и авторитет писаных законов». Естественное право у него сливается с обычным правом, существовавшим издревле у многих народов, в том числе и у молдаван, будучи, по существу, исторически первой формой права. Но тут для нас важно, что учение об естественном праве принимает Д. Кантемир, недавний господарь Молдавии, российский сановник. Как ученый и как прогрессивный мыслитель, он вопреки своему со-

циальному положению объективно трактует проблему. «...У молдаван возникли правовые отношения двоякого рода: одни писаные, которые опирались на эдикты римских и греческих императоров и на решения соборов, вторые — неписаные, которые можно назвать обычиым народным правом. На местном языке оно называется славянским словом *обычей,* что обозначает нрав или обычай».

Касаясь места и роли знати в феодальном государстве, Д. Кантемир решительно осуждал паразитизм той части бояр, которая, пренебрегая общественными интересами, предавалась роскоши, пьянству, разврату, нанося тем самым вред своему народу и стране. В «Описании Молдавии» он клеймит бояр, чье честолюбие в борьбе за господарскую корону дало туркам предлог требовать значительно бо́льшую дань и лишить страну последних, чудом сохранившихся остатков свобод.

Чтобы государство крепло и процветало, чтобы торжествовала справедливость, достойный монарх, говорил Д. Кантемир, должен приближать к себе и выдвигать на высшие государственные посты людей честных, храбрых, преданных отчизне. Тут нельзя руководствоваться знатностью происхождения, ибо очень часто можно видеть «среди бояр высшей степени людей чван-

ливых, надменных, высокомерных... лишенных добронравия...», которые полагаются только на титулы своих предков. Обращаясь к истории, Кантемир напоминал, что «Драгош, восстановитель Молдавии, отдавал высшие знаки почести не тем и использовал на гражданской и военной службе не тех, кто мог насчитать больше титулов своих предков, но тех, кои превосходили остальных доблестью и верностью». Мнение Д. Кантемира, что бездарных и малограмотных сынков знати следует заменять людьми более скромного происхождения, но зато талантливыми, трудолюбивыми, окончательно утвердилось в России, когда он увидел, как Петр I смело выдвигал на государственные посты способных мелких дворян и даже «простолюдинов».

Из всех форм государственного правления Д. Кантемир отдавал предпочтение монархии. Просвещенный монарх, по его мнению, будет заботиться о благе общества, о процветании экономики, науки и культуры. Мыслитель, впрочем, обходил отрицательные стороны абсолютизма, при котором монарх наделен неограниченной властью, даже если он бездарен и не умеет ценить положения, занятого по праву наследования. Требуя от монарха справедливости, честности и милосердия, Д. Кантемир вовсе не считал, что такое милосердие должно распространяться на предавших интересы госу-

дарства: «Милосердие является добродетелью государей, но речь идет о том, всегда ли можно прощать предателя».

Кантемир осуждал господарей, которые «передавали ведение государственных дел своим приближенным, а сами увлекались охотой и другими забавами». Для него пример идеального господаря являл собой Стефан Великий, ибо он неуклонно проводил политику усиления централизованной власти, ограничивал власть бояр и успешно отстаивал независимость страны. По мнению Кантемира, пренебрежение господарей государственными делами, приносившее непоправимый вред и стране и «бедным поселянам», особенно усилилось со времени, когда Молдавия попала под турецкое владычество.

Политические взгляды Д. Кантемира неотделимы от пламенного патриотизма. Мыслитель, горячо переживавший горестную судьбу своей родины, желал видеть ее цветущей и свободной, а молдаван — воспрянувшими духом, мужественными защитниками своего отечества. В связи с переводом «Хроники стародавности романо-молдо-влахов» с латыни на молдавский язык он писал: «Пусть нашими трудами попользуется молдавская народность. И, как в чистом зеркале, облик и рост, древность и честь рода своего видя, советую не

прикрываться трудом и кровью дедов и прадедов своих, а стремиться следовать их мужеству, устраиять изъяны и помнить, что как когда-то, так и теперь должно теми же мужами быть, которые почитали бо́льшим счастьем честно умереть, нежели недостойно жить и пользоваться славой своих предков».

III. Д. КАНТЕМИР — ИСТОРИК И ФИЛОСОФ

Почти все исторические труды Д. Кантемира написаны уже в России. В них нашел отражение дух того времени. Все они носят действительно научный характер, так как основываются на документах, на свидетельствах историков и очевидцев событий.

Один из основных трудов Д. Кантемира — «История роста и упадка Оттоманской империи» — приобрел широкую известность и более века почитался единственным научным пособием по изучению прошлого Турции. В нем автор изложил свои оригинальные взгляды на развитие Оттоманской империи. Кантемир не увлекался описанием второстепенных фактов. Даже рассказывая о событиях, которые непосредственно наблюдал, он раскрывал лишь самые существенные их стороны и беспощадно отбрасывал все малозначительное. В этом произведении Кантемир остроумно заметил, что, займись он сопоставлением известных ему материалов по истории Турции со всем увиденным лично, то мог бы оказаться на распутье и ничего не написать. Собрав большое количество источников, тщательно проанализировав свидетельства многих историков, он писал, что

предпочитает пользоваться теми данными историографии, которые сами турки признают наиболее правильными.

По мнению Д. Кантемира, историк не должен следовать за случайными сведениями, а обязан использовать самые надежные сообщения. Из имеющихся проверенных фактов он выбирает наиболее важные, соответствующие его концепции. В этом отборе — главная трудность, с которой сталкивается историк и которую в гораздо меньшей степени испытывают представители других наук. Так, ученый-естествоиспытатель рассчитывает только на самого себя, опирается на факты, добытые им экспериментальным путем, а историк, говорит Кантемир, «больше должен верить другим, нежели самому себе. Он должен быть объективным. А то ведь нередко бывает так, что свое восхваляют, а чужое хулят».

И все же, по его мнению, нельзя ограничиваться одними только свидетельствами историков. Надо использовать все данные, которые можно найти в странах, о которых идет речь, и прежде всего песни, баллады, поговорки и другие произведения народного творчества. Но их ни в коем случае нельзя смешивать с достоверными историческими документами. Историк должен излагать как истинное лишь то, что не вызывает сомнения. Д. Кантемир самым решительным образом выска-

зывался против какой-либо отсебятины или произвольного отбрасывания части текста в цитатах.

Подчеркивая достоинства Д. Кантемира как ученого-историка, неверно было бы проходить мимо его недостатков. Ратуя за объективность, сам он, тем не менее, нередко грешил против фактов. Он преувеличивал, например, заслуги своего отца как господаря, не всегда вскрывал подлинные причины событий, если они не отвечали его взглядам. (Кстати, и в приводимой им генеалогии Кантемиров немало вымышленного.)

Но молдавский мыслитель, бесспорно, был выдающимся историком своего времени уже потому, что старался не просто описать события, а вскрыть их причинную обусловленность, пусть и ошибаясь в этих поисках. Так, главную причину, обрекающую Оттоманскую империю на упадок, Д. Кантемир видел в моральном факторе. Что же касается социально-экономических условий развития этой страны, то они выпали из его поля зрения.

Соответственно господствующей концепции своего времени, каждое явление в природе и обществе Д. Кантемир воспринимал изолированно. Развитие отдельных стран происходит якобы само по себе, они не подвержены взаимному влиянию. Он не поднимался до постижения действительных причин, а точнее причинно-следственных связей между историческими явлениями.

Основное положение его историко-философской концепции — это циклический характер развития. Другими словами, все страны проходят определенный цикл — от рождения до гибели, а затем круговорот возобновляется. Он даже сравнивал движение различных государств во времени с вращением планет вокруг солнца. Движение для него — некое повторение.

Собственно, эта концепция не нова. Идея цикличности развития была высказана еще древними философами Гераклитом и Аристотелем. Она была воспроизведена средневековыми мыслителями, в частности армянским философом-материалистом Григором Татеваци и византийским историком Дмитрием Халкондиле. Именно у последнего заимствовал ее известный валашский ученый Константин Кантакузино. На Д. Халкондиле и К. Кантакузино и ссылается Д. Кантемир в своих исторических работах, в том числе и в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов».

Идея цикличности развития живых организмов высказывалась в сочинениях ван Гельмонта (1577—1644), хорошо известных молдавскому ученому. В эпоху, когда наука в современном ее понимании делала свои первые шаги, признание происходящего в природе и обществе процесса развития — пусть и ограниченного круговоротом — имело прогрессивное значение. Д. Кантемир приложил эту идею к истории государств. Раз-

витие государства, изменение форм правления он сравнивал с жизнью человека. Подобно тому, как человек проходит стадии «младенчества, детства, половой зрелости, молодости, возмужания, поседения и старости», и государство зарождается, растет, мужает, стареет и умирает. Как видно, мыслитель не смог постичь истинной, диалектической эволюции истории. Смена форм социальной жизни народов, перемены в их культуре, нравах представляют собой, по мнению Д. Кантемира, не развитие от низшей стадии к высшей, а только лишь повторение уже пройденного, возврат к исходному рубежу.

Изучая прошлое и наблюдая настоящее Турецкого государства, Д. Кантемир создал отличающуюся некоторыми оригинальными элементами теорию развития общества через ряд ступеней. Будучи исследователем, твердо убежденным в объективности и правильности своих доводов, он сделал прозорливый вывод о неизбежности гибели Оттоманской империи. Говоря об исходе польско-турецкой войны 1672 года, Кантемир заключал: «Это была последняя победа, которая принесла какую-либо пользу Оттоманскому государству». Затем «...последовали ужасные бои, рассказам о которых грядущие поколения с трудом поверили бы, если бы они не были подтверждены заслуживающими доверия документами. Тогда силы османов очень упали из-за

потери многих королевств и провинций, гибели целых армий, а также из-за внутренних войн и распрей». Д. Кантемир лично участвовал в одном из тех сражений и был свидетелем сокрушительного поражения турок в районе Зенты. «В течение трех дней султан скрывался в крепости. Никто, кроме паши, не знал, где он находится... Разгромленные войска бродили в беспорядке, без командиров, без руководителей... Путеводителем их был голод. Все, что они видели,— грабили»,— пишет он в «Истории роста и упадка Оттоманской империи».

Мыслитель пришел к выводу, что образ правления, подъем или упадок государства определяются нравами общества. Подобный взгляд являлся для его времени передовым, ибо противостоял господствовавшей тогда теологической точке зрения. Хотя Д. Кантемир не смог полностью отказаться от мысли о всемогуществе бога и не выходил за пределы идеалистического объяснения причин, порождающих изменения в обществе и государстве, однако, перенося центр тяжести на нравы, поведение, действия людей, он тем самым ограничивал вмешательство провидения.

Большое воздействие на общественное и государственное устройство, как уже говорилось, по мнению Д. Кантемира, оказывал географический фактор. Климат и местность, полагал он, определяют своеобразие

народного характера, обычаев, а также особенности хозяйственного развития страны. При всей одиосторонности этого взгляда само по себе признание решающей роли материальных условий в общественном развитии было, несомненно, прогрессивным.

В то же время Кантемир, отводя России историческую миссию могильщика султанской Турции, считал, что эта миссия предопределялась православием населения страны. Он нисколько не сомневался, что естественные законы развития приведут Россию к победе над османами. Она уже была сильна экономически и в военном отношении. Народ ее находился, по убеждению Кантемира, на гораздо более высоком уровне развития, нежели турки. Петра I, твердой рукой правившего Россией, он именовал «мудрейшим и в войнах искуснейшим».

России Кантемир посвятил главу в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов». Сжато, но с воодушевлением он изложил героическую историю возвышения великой страны, пользуясь, в частности, «Повестью временных лет» — древнейшим летописным сводом Руси. «Течение истории,— писал Кантемир,— подошло к временам, в которые знаменитая и могучая благочестивая империя Москвы от великого Новгорода и до Киева основы свои заложила... И хотя ее история и не относится к нашей хронике, но поскольку читатель поже-

лает узнать об этой стране, о начале принятия ею света правды, то мы находим уместным хоть вкратце о ней упомянуть».

Обращаясь к историческому прошлому своей Родины, Д. Кантемир резко отвергал мнения тех историков, которые считали, что крепости в крае построены генуэзцами. Не говоря уже о том, что когда-то расквартированное в Молдавии римское войско «...не могло существовать без укрытия в городах», невероятно, что «...генуэзцы, которые желали утвердиться на Черном море только ради торговли, могли проникнуть во внутреннюю Молдавию и построить города в стране, более удобной для земледелия, чем для торговли».

Мыслитель не отрицал роль обмена плодами просвещения между странами, поскольку он не наносил ущерба народным традициям, но считал, что историческое развитие определяется в первую очередь «внутренним фактором». Каждый народ, полагал он, вносит свою лепту в общее развитие культуры, заимствуя у других все лучшее. «Греки заимствовали многое, в том числе письменность, у халдов и финикийцев, а науку — у египтян». Все народы равны. Но если и есть народ, которому надлежит оказывать предпочтение, то не потому, что он более многочислен и занимает бо́льшую территорию, «...ибо, если бы это было так, какой из народов

с татарами мог бы поспорить?» Величие народу придают «...добродетель обычаев, иауки и достоинств».

Много внимания ученый уделил выяснению генезиса молдаван и валахов. Разделяя мнение о происхождении соплеменников от древних римлян, он оговаривался, что отнюдь не мыслит, будто бы «род романо-молдо-влахов» никогда не смешивался с чужестранцами. «Это не только сказать, но и подумать бы было крайне предосудительно». До него вопросом происхождения своего народа занимались молдавские летописцы, но они прибегали к немногим источникам, тогда как Д. Кантемир в своих исследованиях основывался на огромном количестве исторических материалов.

Будучи пламенным патриотом, Кантемир был далек от неприязни к другим народам. Он страстно ополчается на Оттоманскую империю и подчас может показаться ненавистником всех турок. Но это суждение будет неверным. Представителю порабощенной нации нелегко отделить народ угнетающей страны от его правителей. Однако Кантемир не отождествлял Турецкое государство и турецкий народ и предсказывал гибель не туркам, а Оттоманской империи. Турецкие народные обычаи и гостеприимство он описывает с большой любовью. Впрочем, в любом из своих исторических произведений Кантемир повествует не только о правящей

верхушке, но также о народах, их обычаях, характере, языках и т. д.

Д. Кантемир был, повторяем, прогрессивным для своего времени историком, тяготевшим к теоретическим изысканиям. Исходя из политических целей, он стремился выяснить и доказать закономерность неизбежного падения Оттоманской империи и возвышения России, показать, что противоречия между Турцией и Россией ускоряют крах Порты.

Исторические труды Д. Кантемира способствовали национальному пробуждению Молдавии и Валахии. Они получили широкую известность в обоих княжествах, явились ценнейшим вкладом в развитие культуры их народов.

Выдающийся историк, Д. Кантемир был также интересным философом. Формирование и становление его философских и общественно-политических взглядов, как показано ранее, испытали сильнейшее воздействие сменяющихся жизненных обстоятельств. В Константинопольской греко-латинской академии он изучал философию, математику, астрономию, риторику, филологию и другие дисциплины. Там их преподавали на древнегреческом языке и на уровне, далеком от достижений передовой европейской науки. В академии все еще господствовала геоцентрическая система Птоломея, основой основ любой дисциплины почитались «священное писа-

ние», аристотелевская философия и в значительной мере средневековая схоластика. Система преподавания вполне соответствовала назначению академии, большинство воспитанников которой готовилось к церковно-богословской деятельности. Но среди преподавателей, по наблюдениям Кантемира, встречались и люди, серьезно занимавшиеся естественными науками. Таким был, например, Александр Маврокордат — автор «Трактата о кровообращении», несколько раз переиздававшегося в Италии. Сам константинопольский патриарх Калинник — «красноречивый оратор и большой шутник» — позволял себе порой вольные шутки по поводу «святых чудес». Эти наставники, несомненно, повлияли на формирование мировоззрения Д. Кантемира. Своим учителем по академии он называет также Мелетия, архиепископа вначале в Арме, затем в Афинах, знатока древней литературы, в том числе философской. Неоднократные упоминания и ссылки на древнегреческих мыслителей Фалеса и Демокрита в трудах Кантемира свидетельствуют, что он был знаком с началами их философии.

В первый период своей научной деятельности Кантемир находился под сильным воздействием философии стоиков и православного богословия. Тогда он часто воспроизводил тезисы стоицизма и догмы «священного писания». Отметим, что во времена Д. Кантемира про-

должалась борьба между сторонниками средневековых школ номинализма и реализма. Номинализм как выражение в некоторой степени материалистической, прогрессивной тенденции, отвечавшей запросам науки, завоевывал в преобразованном виде все новые и новые позиции, укреплял их. Молдавский мыслитель примкнул к сторонникам этого направления, разделяя прогрессивные для своей эпохи взгляды, и вносил посильный вклад в распространение новых концепций естественных наук.

Судя по всему, Д. Кантемир не был знаком с произведениями ряда современных ему выдающихся ученых Западной Европы, например, английского философа Д. Локка. Тем не менее отдельные высказанные им мысли близки идее Локка, гласящей, что в мыслях нет ничего, чего не было бы в чувствах. Если Д. Кантемир действительно не читал сочинения знаменитого англичанина, то тем более замечательны его верная оценка роли чувственного познания, приближение к новому направлению в гносеологии. В «Иероглифической истории» он писал, что «все знание из опыта исходит», «опыт и изучение вещей могут дать более достоверную истину, чем все необоснованные рассуждения».

В более поздних трудах Д. Кантемира научно-философская терминология претерпевает значительные из-

менения. В первой же его работе даже мысли, касающиеся естественнонаучных проблем, облечены в богословские термины, что, в конечном счете, предопределило антинаучность не только их формы, но и содержания.

По мнению Кантемира, чувственное познание «в большинстве случаев ошибочно». Однако введение слова «большинство» показывает, что Кантемир не был приверженцем принципиального скептицизма, «философии сомнения», для которой всякое познание ошибочно. Чувственное познание он полностью не отвергал, хотя сомневался в его правильности. Мыслитель хотел примирить науку и религию, полагая, что сделать это несложно: ведь богословы и физики говорят об одной и той же истине; разница лишь в том, что первые трактуют её с точки зрения богословия, вторые — с позиций физики, но оба подхода якобы можно признать научными. Однако такой примиряющий взгляд— на деле непозволительная уступка религии, капитуляция перед ней, сдача научных позиций.

В истории философии известно учение о двойственной истине — научной и богословской. Одно время оно служило своеобразным щитом против наступления реакционных богословов на науку. Сторонники двойственной истины защищали науку от вмешательства в ее дела теологии, освобождали разум для научных иссле-

дований. А наука, накапливая факты, постепенно продигалась вперед, подготавливая новые открытия, послужившие фундаментом современному естествознанию.

Знакомясь с естественнонаучными воззрениями Д. Кантемира, можно заключить, что он, в принципе, стоял на позициях двойственной истины. В молодости мыслитель больше склонялся к постулатам богословия. В более зрелом возрасте он уже выдвигал на первый план естественные законы природы, отводя богу скромное место. Еще в «Неописуемом образе священной науки» Кантемир предпринял серьезную попытку преодолеть ограниченность теологической концепции мироздания и рассмотреть природу, оставив в стороне церковные догмы. Этой эволюции его мировоззрения в значительной мере способствовало влияние прогрессивной мысли России, где Петр I всемерно поощрял распространение науки вообще и естествознания в частности.

Дмитрий Кантемир признает причинную обусловленность всех явлений в окружающем мире. «Ни одно событие, как мы часто доказывали, не может произойти, совершиться и завершиться без достоверных, сливающихся и продуктивных причин,— заявлял он.— Все действия человека также являются причинно обусловленными, за исключением этических поступков, где воля свободна в своих действиях. Она свободна совер-

шить или нет тот или иной поступок». Мыслитель, как отсюда видно, не сумел понять, что свобода человеческих действий ограничивается внешними условиями его существования, его интересами, диктующими выбор линии поведения, что он становится свободным в своих действиях лишь тогда, когда осознает их необходимость. Но признавая свободу воли, Кантемир пришел к выводам прогрессивного характера. Во-первых, он рассматривал волю не как врожденное свойство души, а как приобретенную особенность, которая появляется на определенном этапе развития человека. Воля поддается целенаправленному воспитанию. Если человек хорошо воспитан, то воля его более направлена к совершению хороших поступков, к добру, нежели к злу. Во-вторых, Кантемир ратовал за активную деятельность человека, высказываясь против фатализма. Сталкиваясь с самыми неожиданными фактами, явлениями, человек должен находить им естественное объяснение, а не суеверно ссылаться, сетовать на судьбу. Так, господство турецкой тирании над порабощенными народами есть не божье предначертание, а результат действия людей. Следовательно, люди, обладающие доброй волей, в силах изменить печальное для них существующее положение. Судьба людей зависит от их собственной деятельности. Таким образом, признание свободы воли стало для Кантемира теорети-

ческим обоснованием необходимости и победных перспектив борьбы против турецкой тирании, за освобождение Молдавии.

С другой стороны, по Кантемиру, воспитание воли и вообще воспитание — важный фактор в процессе формирования личности каждого индивидуума. Целенаправленное воспитание предопределяет дальнейшее поведение человека. Мысли о роли воспитания в сочетании с убеждением в силе воздействия природы на человеческие нравы ставят Д. Кантемира в ряды выдающихся мыслителей своего времени.

Ранее упоминалось, что естественнонаучные взгляды Д. Кантемира сформировались под заметным воздействием идей голландского натуралиста ван Гельмонта, в круг интересов которого входили химия, физиология, медицина. Ван Гельмонт первым ввел в химию термин «газ». Он пытался опытным путем выяснить механизм питания растений. Влияние голландского ученого с особой силой проявляется в произведении Д. Кантемира «Неописуемый образ священной науки».

Второй период научной деятельности молдавского мыслителя открылся с его переездом в Россию. Тесное общение с передовыми людьми русского общества — Петром I, В. Татищевым, Ф. Прокоповичем и другими, активное участие в общественно-политической жизни помогли Д. Кантемиру избавиться от религиозного кон-

серватизма и груза средневековой схоластики. Его философские взгляды продолжают развиваться, обогащаясь элементами материализма.

Ряд положений, сформулированных Кантемиром в этот период, могут быть квалифицированы как критический пересмотр собственных ранних концепций. Однако в целом мыслитель не сумел вырваться из круга традиционных представлений господствующей идеологии, облаченных в церковно-теологическую форму. И все-таки произведения Д. Кантемира российского периода отличаются от его прежних работ большей зрелостью, эрудицией, глубоким проникновением в затрагиваемые проблемы, использованием обширного фактического материала. В «Хронике стародавности романо-молдо-влахов» он цитирует латинских, греческих венгерских, русских, польских и молдавских авторов, ссылается на их труды по истории, философии и теологии.

Философские воззрения Д. Кантемира изложены в основном в следующих его произведениях: «Неописуемый образ священной науки», «Сокращенная универсальная логика», «Исследование природы монархий». Со временем в его сочинениях заметно усиливаются материалистические тенденции.

Природа для Д. Кантемира — это совокупность вещей, имеющих материальный субстрат и находящихся в движении и изменении. Окружающий человека мир

существует реально, материально ощутим, является нам в конкретных телах и вещах, которые «мы охватываем умом, воспринимаем посредством чувства».

Разделяя общепринятый взгляд на Аристотеля как великого философа древности, Кантемир не соглашался с его толкованием отдельных проблем, в частности движения и его форм. Вслед за Аристотелем, отмечал он, обычно признают две формы: во-первых, материальную определенность вещей вообще; во-вторых, сущность человека как мыслящего, то есть обладающего разумом, индивида.

Будучи воспитан в духе теологии и средневековой схоластики, Д. Кантемир не смог объяснить не только происхождение жизни на Земле, но и самой жизни вновь нарождающихся существ. В поисках разрешения этой проблемы он обращается к «священному писанию». По Кантемиру, «тело и душа составляют отличительные свойства человека», выделяющие его среди всех природных существ. Однако помимо одухотворенности, то есть наличия интеллекта, человек ничем не отличается от животных. А эта мысль Д. Кантемира противоречит «священному писанию». В самом деле, если, согласно Библии, человек создан богом по образу и подобию своему, то, следуя мысли Кантемира, приходится признавать, что и бог отличается от животных единственным качеством.

Но откуда нам известно, что остальными свойствами, кроме интеллекта, человек не отличается от животных? Кантемир утверждает: «При помощи материальной причины обнаруживается, что человек есть животное, подверженное тлению, так как он состоит из четырех первоэлементов». Отметим, что Кантемир вслед за древними атомистами видел основу всего сущего в первоэлементах. У него не раз встречаются утверждения, что все многообразие жизни есть результат различного сочетания атомов. Однако атомистические воззрения на структуру материального мира не привели Д. Кантемира к материализму.

Вернемся, впрочем, к вопросу об отношении молдавского мыслителя к сущности человека. Д. Кантемир полагал, что тело человека состоит из двух неразрывных частей — одушевленной и неодушевленной. Первая включает чувственное и разумное. Разум человека нематериален, а действия его материальны. Но разум присущ телу как органическая составная часть и поэтому самостоятельно не существует, а представляет собой «вид» сущности человека. Так решает Кантемир вопрос о единстве души и тела. Подобное толкование опять-таки противоречило богословской точке зрения, подрывало основу религиозной, идеалистической концепции мира.

Уже говорилось, что мыслитель считал тело и ду-

шу человека неразделимыми. Только для удобства их изучения допустимо разъединять «то, что соединено природой, а именно душу и тело». И этот кантемировский тезис о нераздельности души и тела пробуждает у читателя сомнение в богословском учении о бессмертии души, а значит, и в существовании потустороннего мира. Положение о независимом существовании души косвенно отвергается Д. Кантемиром также в «Системе, или О состоянии мухаммеданской религии», где он высмеял одну из мусульманских сект, члены которой верят в переселение душ умерших людей в животных.

Обращаясь к категориям времени и движения, Д. Кантемир возражал против аристотелевского определения времени как меры движения. «Мера случайна и дополнительна измеряемой вещи, следовательно, мера по природе последующа измеряемой вещи». Многообразие движения должно породить и многообразие мер, а следовательно, и многообразие времени, тогда как время, писал Д. Кантемир, едино и непрерывно. Время нельзя ни ускорить, ни продлить, потому что «время... это сама вечность».

Время, горячо отстаивал тот же тезис Д. Кантемир,— это объективная действительность, и оно не может находиться в зависимости от человека, ибо все, что существует, пребывает в действии и происходит во

времени. «Время является чем-то реальным, оно существует через действие».

Но еще более резкой критике Д. Кантемир подвергает определение времени как формы исключительно человеческого восприятия порядка событий, как субъективной категории. «Итак, мы должны понять, что если бы в природе отсутствовали одушевленные предметы (то есть те, которые измеряют и познают время интеллектом, разумом), то остальные неодушевленные не имели бы времени и существовали бы вне времени, что противоречит очевидной истине, свидетельствующей, что все во времени происходит». Согласие с тем, что время есть мера движения, равносильно признанию, что время существует тогда и постольку, когда и поскольку присутствует измеряющий его субъект, пишет Д. Кантемир. «Я скажу, что в пустынных местах, в ненаселенных людьми углах Земли, в гротах, пещерах и т. д. не существует времени, ибо там нет существа, которое замечало бы, что существует время, и считало бы движения».

Признавая объективность и непрерывность времени, Д. Кантемир все же допускал ошибку, утверждая, будто время предшествовало движению. Но такое заблуждение было свойственно многим его современникам. Он не мог преодолеть ограниченности естественнонаучных знаний своей эпохи, вырваться за пределы

своего века, а потому не смог прийти к выводу о единстве времени и движения. Более того, молдавский мыслитель заключил, что время существовало, когда никакого движения вообще не было: «Движение совершается во времени, а не время в движении. Отсюда я делаю вывод, что время предшествует движению, как отец предшествует сыну, курица — яйцу, измеряемая вещь — мере».

Полагая, что время предшествует движению, Д. Кантемир подразделял отсутствие движения на «покой» и «спокойствие». Различие между ними в том, что «покой» следует за движением, а «спокойствие» ему предшествует. В «спокойствии» пребывали до первоначального движения газ, вода, воздух, пространство. Неверным Кантемир считал утверждение, будто до перводвижения ничего не существовало: ведь тогда нечему было бы двигаться, из ничего ничто не рождается. По его мнению, существовавшие до движения газ, вода, воздух, пространство пребывали в состоянии «спокойствия» и пришли в движение по воле всевышнего. Хотя Кантемир говорил: «Очень я боялся того перводвигателя, который всегда двигает и всегда отдыхает», но он и как верующий, и косвенно как философ признавал существование бога.

Таким образом, проблему единства времени и движения Д. Кантемир решал метафизически, рассматри-

вая время как нечто абсолютное, оторванное от движения.

Основной вопрос философии — отношение между душой и материей — Д. Кантемир решает идеалистически, поскольку, в соответствии со «священным писанием», признает первичным фактором бытия бога. Но называя бога «универсальной жизнью», он по существу выступал как деист (деизм, по выражению К. Маркса,—это скрытая форма материализма). Впрочем, в дальнейшем Д. Кантемир не развил эту идею. Первоэлементами мира он считал огонь, воду, землю и воздух, что усиливало материалистическую тенденцию в его мировоззрении — факт, с особой силой проявившийся в гносеологических взглядах мыслителя.

Д. Кантемир неоднократно повторял, что без чувств нельзя получить образ какой-либо вещи, но без осмысления разумом чувственное познание плоско, недостаточно. «С чувственной точки зрения ничего нет доброго и совершенного, если прежде всего не рассмотрено с интеллектуальной, то есть с теоретической, точки зрения». По мнению Д. Кантемира, теория, в свою очередь, должна основываться на практике, на опыте. Но задача теории — выяснить природу того или иного явления. Опыт необходим, однако опыт как таковой — еще не есть наука. Заметим к тому же, что на первом этапе своего философского развития Д. Кантемир рас-

сматривал опыт как простое наблюдение, результаты которого не подвергнуты анализу. Подобный опыт беспредметен, бесполезен для науки.

В своих последующих работах Д. Кантемир не сравнивает более чувственное и интеллектуальное познание. Изменяет он и относящуюся сюда терминологию, называя чувственное познание эмпирическим, а интеллектуальное — философским, то есть теоретическим. По его мнению, философское познание не может быть таковым, если оно не основывается на опыте. Наиболее ценны те теоретические знания, которые имеют в своей основе практику. В «Иероглифической истории» Д. Кантемир заявляет: «Вся естественная философия основывается на естественных телах и опирается в познании на существо явлений».

Молдавский мыслнтель упорно стремился уяснить задачу науки, роль и место эксперимента в ней. Однако, будучи взращенным на средневековой схоластике, он долго не мог продвинуться вперед на этом пути. И только со временем, накопив жизненный опыт, обретя эрудицию, Кантемир пришел к выводу, что задача науки состоит в восхождении от простого чувственного восприятия к вершинам абстрактного мышления, что знание должно быть достоверно, доказуемо и вытекать из опыта. «Как знание вещей является светом разума, так их незнание является затмением позна-

ния»,— заявляет он в «Иероглифической истории». Позднее он еще более решительно подчеркивал значение опыта для науки: «Опыт и изучение вещей может дать более достоверную истину, чем все необоснованные рассуждения», «все знания и познание проистекают из предшествующего ощущения».

Теоретическое мышление, заявлял Д. Кантемир, отталкиваясь от связи термина «теория» с древнегреческим словом «theoreo», означающим «рассматриваю», «исследую», потому так и называется, что оно из отдельных фактов, событий, явлений делает общие выводы, которые отражают общую тенденцию. В качестве доказательства своей правоты он приводит пример с кругом: если мы найдем часть круга, то по ней сможем легко узнать, каков был весь круг, каковы были его размеры.

Возвышая роль теоретического мышления, Кантемир подчеркивал, что его задача, в отличие от обыденного мышления, заключается не в простом описании вещей и явлений, а в анализе и объяснении их сущности. «Все люди видят вещи такими, какие они есть, но философ исследует, из чего и для чего они существуют». Здесь уже сделана попытка оценить роль философии, подчеркивается необходимость теоретического мышления как фундамента научного, социального и экономического прогресса. В своих последних трудах, на-

писаниых на основе конкретного фактического материала, Д. Кантемир все чаще обращается к роли опытного знания, практики. «От естественного факта мы можем перейти к научному познанию»,— писал он в «Исследовании природы монархий».

В работах Д. Кантемира российского периода красной нитью проходит мысль о том, что теоретическое мышление должно опираться на реальную действительность, на факты, иначе оно остается пустоцветом. О значении, которое он придавал практике, опыту как основе теории, можно судить по его размышлениям. Чтобы делать теоретические выводы, уточнения, неоднократно отмечал Кантемир, надо знать жизнь, практику. В предисловии к «Системе, или О состоянии мухаммеданской религии» говорится, что, приступая к любому делу, «...философ более всего должен уметь исходить из практики, а не одной голой теории». На первый план тут поставлена практика, а философию, не опирающуюся на практику, мыслитель называл «голой теорией». Подобную же мысль Кантемир высказывал в письме Петру I от 25 ноября 1719 года, сообщая, что при написании исторических работ он как бы подражал слепому: ни шагу не ступил, прежде чем посохом не узнавал путь — верен ли.

В том же предисловии к «Системе, или О состоянии мухаммеданской религии» внимание читателя постоянно

обращается на значение практики, говорится, что все знания человека основываются и должны основываться на изучении природы.

При помощи каких же инструментов познает человек, который «желает знать все о природе»? Единственно верным таким инструментом, отвечает Кантемир, являются органы чувств, ибо «не слепой, а зрячий судит о цветах красок, и не глухой, а со слухом может судить о красоте мелодии». Аналогично все науки, все знания основываются на данных, полученных посредством органов чувств. Выступая в отношении к познанию как сенсуалист, Д. Кантемир подчеркивал, что восприятию наших органов чувств предшествуют реальные вещи — тела, события, явления, которые и воспринимаются. «Вначале идут события и творения, а затем следуют чувства и мысли». Эту мысль он повторяет не единожды. Из всех органов чувств мыслитель отдавал предпочтение зрению: «Хороша истина, полученная при помощи слуха, но еще лучше, если она получена при помощи зрения».

Богословы и физики, пишет Д. Кантемир, «по обыкновению трактуют простую истину различными способами». Этот тезис может быть истолкован как попытка примирить науку с религией, как признание двойственной истины. Однако внимательное изучение всего содержания естественнонаучных воззрений Кантемира (о

них подробно будет сказано ниже) дает нам право утверждать, что истина «священного писания» для него лишь официальный авторитет, против которого он, господарь и вельможа, откровенно идти не мог. Как ученый он отдавал полное предпочтение истине, добытой на основе фактов и логического их осмысления.

В «Хронике стародавности романо-молдо-влахов» молдавский мыслитель неоднократно повторяет, что в своих научных поисках больше всего добивается истины, что «готов всякую горечь вкусить с наслаждением и всякую жесточайшую критику охотно снести, только бы совесть сохранить». Он «не может обрести покоя, пока не познает истину, которую стремится познать, несмотря на расстояния и трудности, какие надо преодолеть».

Д. Кантемир хорошо понимал, что истина не всегда лежит на поверхности, что ее надо открывать, порой предолевая большие трудности. Для него «истина есть результат правильного действия ума», то есть такое суждение, которое, согласно правилам логики, исключает ложь, ибо «невозможно, чтобы сразу сошлись в одном суждении и истина и ложь. Когда утвердительное суждение истинно, то по необходимости отрицательное суждение ложно». В этом случае Д. Кантемир рассуждает как рационалист, для которого истина проистекает из правильного суждения, а не есть ре-

зультат верного отражения действительности мышлением — такого отражения, чье соответствие отражаемому в конечном счете проверяется практикой.

Рассматривая понятие «истина», Д. Кантемир делил противостоящие ей заблуждения на преднамеренные и по неведению. В одном и том же явлении двух истин не бывает, заявляет он. Истину может защищать только истина, а ложь — никогда. Истина не может противоречить истине. Для нашего мыслителя истина — это то, что существует объективно; человек лишь устанавливает ее, если его органы чувств здоровы и правильно воспринимают качества вещи — цвет, твердость, вкус, запах и др. Сами по себе предметы таковы, какие они есть в действительности, и именно так они и воспринимаются здоровыми органами чувств. Больные же органы, в силу понятных обстоятельств, неправильно воспроизводят воспринимаемые предметы. Глаз, воспаленный или задетый какой-либо случайной болезнью, «...видит вещи в ином цвете, нежели они есть, или если и видит в том же цвете, то все ему представляется мутным и слабым. Так это случается с глазами, ослабевшими от старости или же от беспрерывного чтения, что может произойти и во цвете лет»,— пишет Д. Кантемир. Даже этот отрывок позволяет судить о его отношении к роли органов чувств, их воспринимающей способности.

Резко выступал Д. Кантемир против агностиков, учивших, что человек не в состоянии познать сущность вещей. В подтверждение этой его позиции приведем цитату из «Хроники стародавности романо-молдо-влахов»: «Америка (которую мы называем Новым Светом) много сотен и тысяч лет не была известна писателям и всем людям, которые проживают на нашей давно известной Земле. Но если мы не ведали и не знали чего-либо об Америке и ничего не писали о ней, то это молчание не исключало Америку из естества вещей, ибо она поистине была, как и есть, несмотря на то, что не было известно о ее существовании». Кантемир выражал уверенность в силе науки: непознанное пока человеком будет раскрыто и познано. «Грядут времена (в связи с непрестанным свершением явлений природы), когда будут открыты многие тайны природы (то есть имеют место явления, которые раньше люди не могли предсказать)»,— провозглашает он в «Исследовании природы монархий».

Познание, по Кантемиру, чрезвычайно сложный процесс. Он считал, что нужно идти от известных простейших фактов, явлений и событий к фактам, явлениям и событиям сложным, запутанным и малоизвестным и что все они должны анализироваться во взаимосвязи и в свете причинной обусловленности. «Все, что мы видим, все, что нас окружает,— отмечал Кантемир,— су-

ществует во взаимосвязи, и если какая-либо одна часть перестанет существовать, то непременно исчезнут и остальные». Поскольку все причинно обусловлено, следует искать причину для любого явления.

Детерминизм Д. Кантемира проявляется в его высказываниях о зависимости следствия от причины: «Раньше я сказал, упоминая аксиому философов, что, сняв причину, снимаем и действие. Теперь, приводя другую аксиому, говорю, что по делам познается сущность вещей, то есть, когда какая-либо вещь произошла, мы понимаем, что она имела какую-то предшествовавшую причину, ибо ни одна вещь без причины произойти не может». Д. Кантемир подчеркивал, что о сущности явления надо судить не поверхностно, не по словам, а по делам, то есть надо исходить из анализа действительности.

Признавая причинную зависимость, Д. Кантемир вел борьбу против тех, кто понимал случайность как беспричинное явление: «Какой-либо случай не может произойти без определенных собственных и верных причин». В отличие от стоиков, которые довели детерминизм до крайности и фаталистически истолковывали его, призывая к безропотному подчинению неотвратимой судьбе, Д. Кантемир признавал причинно обусловленную необходимость борьбы, а не покорности. Уда-

ча, судьба и случайность, причинно не обусловленные, по его мнению,— «измышление пустых слов и мертвящая выдумка».

Мыслитель полагал, что случайно для нас то явление, причину которого мы не знаем. Однако после выяснения причины соответствующее явление перестает быть случайным. Конечно, мы не можем согласиться с подобной трактовкой случайности, ибо то или иное явление случайно не потому, что нам не известна его причина, а потому, что эта причина не проистекает необходимым образом из самого состояния данного явления. Если что-либо произошло случайно, то это значит, что причина, породившая данное явление,— внешнего для него порядка.

Не менее важны размышления Кантемира о противоречии. Он признавал противоречие естественным состоянием природы. В природе не могут существовать вещи, которым не противоречат другие вещи. «Противоречие есть самое сильное противоположение, и когда устанавливается необходимость одного, то этим совершенно уничтожается другое».

Однако внутреннее противоречие Кантемир понять не смог. Он лишь догадывался о его существовании, когда заявлял, что любая вещь по своей природе противоречива. Даже всемогущий бог не в состоянии создать лишенные противоречий вещи. Таким образом,

во имя научной истины Д. Кантемир не пощадил и бога, лишив его всемогущества. Но, чувствуя, по-видимому, что для верующего зашел слишком далеко, и пытаясь хотя в какой-то мере защитить «авторитет всевышнего», он делает сомнительную оговорку: бог, дескать, не уничтожает противоречия не потому, что у него не хватает на это сил, а вследствие противодействия, которое оказывают вещи, чтобы оставаться самими собою.

Собственно философские проблемы с необходимостью привели Д. Кантемира к проблемам логики, которым посвящен трактат «Всеобщая сокращенная логика». В этой работе он предпринимает попытку определить значение логики и рассматривает ряд основных философских категорий: сущность, количество, отношение и др. В противовес утверждениям идеалистического толка, что понятия имеют реальное существование и предшествуют появлению единичных вещей, Кантемир доказывал, что наши понятия возникают в результате воздействия на человека действительно существующих вещей и явлений.

Чрезвычайно важно уяснить, как понимал Д. Кантемир *сущность* вещей. «Сущности», по его мнению, проявляются, с одной стороны, как логические категории, отражающие вещи, явления, реальные события, а с другой стороны, сущность — это и есть сама вещь. Он

писал: «Сущность, которая имеет тело, называется телесною, которая не имеет,— бестелесною», «сущность есть нечто само по себе существующее, не нуждающееся в другой [сущности] для своего установления». Следовательно, под сущностью вещи понимается ее субстрат, без которого «ни одна из вещей не может существовать».

Количество Д. Кантемир рассматривал как определенную величину, то есть все то, присущее предмету, что может быть делимо, прибавлено или убавлено. Он заявлял, что качество также присуще предмету, вещи, но, в отличие от количества, неделимо и характеризует вещи, предметы такими, какие они есть. «Сущее, которое имеется в предмете, если оно существует само по себе и неделимо, образует качество».

В тесной связи с качеством Кантемир рассматривал свойство, присущее предмету, вещи природы. «Свойство,— говорил он,— есть то, что относится ко всякому виду, к каждому в отдельности и всегда». Таким образом, в каждом предмете имеется какое-нибудь свойство, отличное от свойства другого предмета. Иногда и случайный признак «обозначает существенное свойство». Хотя Д. Кантемир дал очень скупое и не совсем четкое определение свойства, в общих чертах оно не расходится с определением понятия «свойство» в материалистической философии.

Наконец, категории Д. Кантемир рассматривал как понятия, выражающие отношения между предметами, вещами, явлениями. «Отношение не может существовать само по себе», оно «не употребляется иначе, как только во взаимосвязи», ибо и «относительно существует в природе во взаимной связи, и если одно перестает существовать, то и другое исчезает».

«Всеобщая сокращенная логика» не отличалась особой оригинальностью идей. Тем не менее уже отстаивание логических принципов подлинного Аристотеля, которые были извращены средневековой схоластикой и софистикой, надо признать исторической заслугой автора этого трактата.

IV. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Естественнонаучные взгляды Д. Кантемира формировались в то время, когда существовали уже такие науки в современном понимании, как астрономия, математика и механика. Остальные отрасли научного знания или еще не возникали, или находились в зачаточном состоянии. Так, открытие английским врачом У. Гарвеем (1578—1657) кровообращения знаменовало собой рождение научной физиологии.

Исключительно важным событием для развития естествознания и экспериментального метода исследования явилось изобретение Г. Галилеем микроскопа. Этот прибор открыл взору ученых мир ранее невидимых существ, помог по-новому понять строение живой материи, заложить основы микроскопической биологии, цитологии, гистологии, анатомии растений и других наук. Английский физик Ф. Гук, усовершенствовавший микроскоп, впервые наблюдал ячейковое (клеточное) строение пробки, стеблей растений и ввел в научный обиход термин «клетка». Его «Микрография», изданная с приложением многих таблиц и рисунков, оказала значительное влияние на развитие науки. Современники

Ф. Гука — М. Мальпиги в Италии и Н. Грю в Англии, изучая независимо друг от друга микроструктуру растений, основали новую науку — анатомию растений. Кроме того, первый из них установил существование кровеносных капилляров, вкусовых сосочков языка и капиллярных почечных клубочков.

Результатом пятидесятилетнего труда голландского натуралиста Антони ван Левенгука явились его знаменитые письма, которые содержали описание многочисленных наблюдений и исследований мельчайших существ, проведенных при помощи сконструированных им микроскопов. Ему принадлежит открытие эритроцитов и сперматозоидов. Он по праву считается основоположником микроскопической биологии. Работы Левенгука вызвали столь большой интерес в образованном обществе, что к нему ездил, например, Петр I, который восхищался его открытиями и приобрел у него несколько микроскопов для музея естественной истории — кунсткамеры, создававшейся тогда в недавно основанном Петербурге. Большое значение для науки имели и работы английского натуралиста Д. Рея (1627—1705), который заложил основы классификации растительного и животного мира по внешним признакам. Накапливались и подвергались первичной систематизации зоологические знания. В этой связи упомянем пятитомный труд швейцарского ботаника и зоолога

К. Гесснера (1526—1565), описавшего сотни животных, их образ жизни.

Таковы в общих чертах наиболее значительные достижения науки к началу XVIII века. Знал ли Д. Кантемир поименованных ученых и их открытия? В своих сочинениях он упоминает Р. Бэкона, Н. Коперника, ван Гельмонта, с трудами которых, несомненно, был знаком. Судя по тому, что Кантемир широко использовал терминологию именно этих ученых, особенно ван Гельмонта, он, вероятно, не читал произведения остальных естествоиспытателей второй половины XVII — начала XVIII века. Нет также оснований предположить, что он был знаком с трудами П. Гассенди, Б. Паскаля, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Д. Локка. Познание выдвинутых этими выдающимися учеными идей дало бы ему возможность значительно выше подняться в своем теоретическом развитии.

Молдавский мыслитель критиковал схоластику и мистику, но сам так и не смог полностью избавиться от их воздействия. Впрочем, история естествознания дает нам немало примеров, когда даже виднейшие представители этой науки, не сумев найти правильное объяснение, скажем, тем или иным биологическим явлениям, обращались к сверхъестественным «жизненным силам», якобы создающим органические вещества, из которых строятся тела растений и животных. На во-

прос, что такое «жизненная сила», они не могли дать ответа. Как видно, эти ничего не значащие слова использовались, когда ученые не располагали достоверными знаниями, основанными на экспериментах.

Дмитрий Кантемир не был естествоиспытателем, но проявлял интерес к естественным наукам. В письме к Петру I, например, он сообщил, что уже около шести лет занимается изучением «натуральных вещей», и просил разрешения поступить в анатомическую школу. Неудивительно, что страстного в поиске новых знаний Кантемира привлекала эта школа, открытая при кунсткамере. К сожалению, нам неведомы какие-либо материалы, говорящие о его занятиях в ней.

Известно, что Кантемир изучал звуковые колебания, устанавливал содержание минеральных солей в реках Молдавии, вникал в другие проблемы естествознания. Однако свои опыты он не обобщал в письменных трудах, так как его интересовали главным образом вопросы методологии, философии. Больше всего его занимали пути истинного познания — выяснение места разума и ощущений, соотношения рационального и опытного в этом процессе.

Не отказываясь от библейского учения, Кантемир пытался, тем не менее, объяснить происхождение и развитие различных животных, растений и природных явлений с естественнонаучных позиций. Все в природе

произошло естественным путем, говорил Д. Кантемир, благодаря эволюции, под влиянием внутренних сил.

Молдавский мыслитель интересовался, в частности, грозовыми явлениями. Однако их сущность еще долго оставалась тайной. Лишь к середине XVIII столетия, то есть спустя четверть века после Д. Кантемира, электрическая природа молний и грома была раскрыта американским исследователем Б. Франклином и почти одновременно и независимо от него великим русским ученым М. В. Ломоносовым совместно с академиком Г. Рихманом. Поэтому следует удивляться не столько наивности, сколько смелости предпринятой молдавским ученым попытки объяснить природу грозы, опираясь не на «священное писание», а на естественнонаучные данные: «Материальной причиной грозы является очень тонкий газ, преобразованный силой местных ферментов в сернистую материю. Однако этот эффект поистине чудесен и совершенно выходит за обычные пределы природы».

Здесь говорится именно о материальной причине небесного явления. Кантемира поражала быстрота молнии, опережающей гром, раскат которого он считал естественной способностью. Часто наблюдая грозы, он тщетно старался найти им научное объяснение. Тогда он апеллировал к силе «всевышнего»: дескать, тут проявляется воля бога, желающего «запечатлеть страх пе-

ред его вечным именем», как писал Д. Кантемир в своей «Метафизике».

Вместе с тем Кантемир выступал решительным противником различного рода суеверий и пламенным защитником и пропагандистом естественнонаучных знаний. Он не терял надежды, что «наступят времена, когда наука разгадает тайны природы». Ее задача — открывать «то, что создавалось на основе известных принципов и что создает естественный непрерывный порядок, соответствующий его законам».

Толкования появления комет, падения метеоритов, землетрясений как предзнаменований бед Кантемир объявляет суевериями, а тех, кто утверждал подобное, называл шарлатанами. Землетрясения, по представлению Кантемира, имеют естественные причины. Чем ближе к центру Земли, тем «атомы становятся более густыми, более сжатыми». Под воздействием собственных внутренних сил вещество недр Земли клокочет и, найдя выход, прорывается наружу. Процессы в недрах временами столь мощны, что сопровождаются взрывами и пожарами «точно так же, как недавно сжатые хлеба, достаточно наделенные своим собственным археем [началом], загораются сами по себе». «Когда закон природы повелевает, все естественное подчиняется». В этом природа никому и ничему не делает уступок, иначе «не существовало бы естественного движения».

Религиозным суевериям, связанным с землетрясениями, Кантемир противопоставляет авторитетное мнение ученых-физиков, доказывая невозможность одновременного распространения этого природного явления на всю поверхность Земли. Он отмечал, что «пространнейшее Российское государство не тряс куранов бык» (имея в виду быка, на котором, по Корану, покоится Земля), да и некоторые другие страны, «расположенные у арктических поясов, не испытывали землетрясения».

Лунные и солнечные затмения Кантемир также, в согласии с коперникианской астрономией, относил к естественным явлениям природы. «Когда Солнце диаметрально противоположно Луне и ударяет своими лучами в Землю прямо по центральной линии, тень Земли пирамидальной фигурой простирается до тела Луны, из-за чего Луна претерпевает затмение».

Не оспаривая акта творения Земли «всевышним», Д. Кантемир, однако, заявлял, что все сущее с самого начала своего появления «имело собственную природу, достаточную для получения конца совершенства, и не испытывает само по себе нужды в чьем-либо соучастии или помощи», то есть природа не нуждается в постороннем, даже сверхъестественном, содействии. Все появляется и будет появляться «в соответствии с законами природы».

Интересны суждения Д. Кантемира по вопросам ми-

нералогии. Вот как он представлял себе образование минералов: кипение ферментов «захватило каждую свободную часть, и девственная Земля, точно беременная женщина, в глубоких слоях породила минералы и металлы». В этом творении он видел природный процесс, а не божественное свершение. На уровне современного ему научного знания он объяснял происхождение минеральных вод и их источников: «Источники, которые идут по самым глубоким венам Земли и проходят по самым узким каналам, дистиллируются точно так же, как в трубах перегонного куба... Если же проходят через минеральные залежи, то воспринимают запах, вкус и специфическое качество этого минерала».

Разносторонние интересы Д. Кантемира распространяются на биологию, классификацию животных, изучение ископаемых. Он собирал материалы о растительном и животном мире, что нашло отражение в «Описании Молдавии». В этой книге он сообщает об обитании в крае разнообразных и многочисленных животных: лосей, серн, диких коз, кабанов, лисиц, рысей, волков, куниц и др. Среди домашних животных его интересовали главным образом породы овец, лошадей, крупного рогатого скота, коз, имеющие наибольшее хозяйственное значение. Меткие характеристики повадок животных содержатся в «Иероглифической истории».

Подробно описывая зверей и птиц, места их оби-

тания, образ жизни, строение тел, виды питания, особенности поведения, Кантемир классифицировал их по группам. Летучая мышь, хотя и летает, но это не птица, а зверь, писал ученый, а страус, хотя и не летает, но это птица, о чем говорят строение страусова тела и то, что он несет яйца. Исследователь указывал, что иные животные, на первый взгляд не имеющие каких-либо общих признаков в строении или образе жизни, все же относятся к одному семейству. Например, выдра, или «морская собака», может жить и на суше, и в воде, а раньше, по всем признакам, жила только на суше. Обстоятельно повествовалось о верблюде и жирафе.

А вот портрет хамелеона: «Этот зверь водится в теплых краях... Внешне он больше похож на жабу, но только головой, ибо разрез рта походит на рыбу, которую называют тунцом. Шеи не имеет, рот сильно расщеплен, его разрез достигает плечей. Как и рыба, не имеет шеи, а голова — как бы продолжение спины. Спина от головы и до хвоста, как у свиньи: горбатая и сутулая. На теле не имеет волос, но имеет мелкую и острую, как стрелы, чешую... Конец языка наделен своеобразным клеем. Как увидит издали муху, быстро выбрасывает язык, касается ее, та прилипает и остается приклеенной на языке... Когда хочет стать черным, поворачивает всю чешую черной стороной кверху. Рав-

ным образом, когда хочет быть красным. Все чешуйки его круглы и поворачиваются в коже. Как хочет, так и поворачивает, и тем принимает цвет различной окраски». Думается, эта пространная выдержка дает представление о добросовестном отношении ученого к исследуемому предмету. Правда, в описании хамелеона заметны некоторые неточности по сравнению со сделанным, скажем, А. Бремом. Но они не умаляют достоинств рассказа писателя начала XVIII века.

Описывая породы овец и свиней, Кантемир отметил у отдельных особей необыкновенные черты, но расценил их как случайные отклонения от нормального развития, ибо в целом «природа не изменяет своих законов».

Изучая естественно-географические особенности Молдавии, ее флору и фауну, Д. Кантемир подошел к мысли о связи организма животных и растений с условиями существования, о влиянии среды на организм. Все функции организма он считал естественными, совершающимися в силу каких-либо причин. Его интересовали не только процессы добывания пищи, пищеварения, дыхания, движения, поведения, размножения у животных и людей, но и такие сложные психические явления, как сновидения человека. Он решительно не соглашался с бытовавшим тогда мнением, будто сновидения что-то предвещают. Естественно, оставаясь на

уровне науки своего времени, Д. Кантемир не мог уяснить себе физиологический механизм сновидений. Поразительно и то, что в обстановке господства религиозной мистики и обскурантизма в объяснении явлений духовной жизни он подошел к истолкованию этого сложного жизненного процесса с естественнонаучной позиции. Источник сновидений мыслитель видел в отражении внешних условий и их воздействии на чувства человека. Такая точка зрения была, несомненно, прогрессивной и выражала материалистические тенденции.

Один из просвещеннейших людей своей эпохи, ученый удивительной эрудиции, Д. Кантемир использовал в своих сочинениях обширный ботанический, зоологический, анатомо-физиологический и другой материал. Страстно пропагандируя опытный метод в исследовании природы, он внес тем самым ценный вклад в развитие и популяризацию научных знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дмитрий Кантемир относится к виднейшим мыслителям и ученым Молдавии и России конца XVII — начала XVIII века. Его работы в области истории, географии, этнографии, востоковедения принесли ему всеевропейскую известность. Одним из первых среди молдавских мыслителей он занялся проблемами философии, ввел в родной язык философскую терминологию. В период, когда господствовало мнение о неизменности раз и навсегда сотворенной природы, Кантемир предпринял серьезную попытку объяснить ее развитие по восходящей. Он стремился толковать мир, исходя из его сущности. Эта тенденция все с большей силой проявлялась в его последних сочинениях.

Ценный вклад внесен Кантемиром и в развитие истории как науки созданием фундаментальных трудов по истории Молдавии, Ближнего Востока, особенно Турции. Он выдвинулся в первые ряды историков своего времени.

В «Описании Молдавии» Д. Кантемир проявил живой интерес к географии и природным богатствам своей страны, их хозяйственному значению, выступая

пытливым исследователем. Рассказывая, например, о добыче соли, он обращает внимание не только на экономическую сторону этого промысла («немалую выгоду из этого извлечь можно»), но и на открытие при горных работах остатков живых существ: «Порой обнаруживаются окаменевшие в соли рыбы, которые ничем не отличаются от других видов, вылавливаемых в соседних реках». Молдавский ученый занимает место среди пионеров геологии и палеонтологии, которые в его время еще не существовали как отрасли научного знания.

И все же самый глубокий след Кантемир оставил в экономической и физической географии. Ему принадлежит ряд действительно выдающихся работ по географии Молдавии начала XVIII века. Ученого особенно интересовали жизнь народа, экономическое состояние государства, его политическая организация. Он изучил воздействие географического фактора, природных условий на человека, изменение его жизнедеятельности и нравов. Для географов и историков поныне представляет немалый интерес карта Молдавии, составленная Д. Кантемиром, по-видимому, в 1714 году, то есть когда он работал над «Описанием Молдавии». Он прекрасно понимал, что невозможно изучать географию без карты. Ему же принадлежит подробный план Константинополя, где обозначены различные достопримечательные здания и исторические памятники, а также схема

расположения русско-молдавских и турецких войск в битве у Станилешт в 1711 году.

В «Описании Молдавии» большое место отведено образу жизни народа. Отдельные разделы книги посвящены одежде, нравам, свадебным церемониям, религиозным обрядам. Это почти единственный достоверный источник, по которому этнографы могут представить себе повседневное бытие молдаван и их обычаи до XVIII века.

Д. Кантемир первым обнаружил в молдавском языке дакский элемент, показав тем самым, что даки были предками молдаван. Знание многих языков позволило ему подойти к изучению молдавского языка сравнительным методом и подтвердить его латинскую основу. Он составил и включил в «Описание Молдавии» таблицу, которая содержит латинские, итальянские и молдавские слова, демонстрируя, что молдавский язык ближе к латинскому, чем итальянский. Славянский язык рассматривался им как прародитель русского, польского, сербского, болгарского, чешского и других языков, носители которых без особого труда понимают друг друга. Аналогичным образом сгруппировал Кантемир восточные языки. Он проследил влияние языков соседних народов на язык жителей ряда областей. Его по праву можно назвать первым молдавским филологом. Но он был также превосходным фольклористом и

сумея широко использовать в своих сочинениях устное народное творчество. В «Иероглифическую историю» им включено более шестисот пословиц и поговорок, многие из которых отражали социальную несправедливость.

Совершенное знание языков Ближнего и Среднего Востока позволило Д. Кантемиру сыграть немаловажную роль в Персидском походе Петра I. Он отправился с российским войском в качестве дипломата, руководил работой походной типографии, писал воззвания по-турецки и по-персидски. Из записок работавшего при Кантемире переводчиком с латинского на русский Ивана Ильинского мы узнаем, что и во время похода ученый усиленно занимался востоковедением. Он внес свою лепту в развитие делавшей тогда начальные шаги российской арабистики. Среди первых в нашей стране графических воспроизведений арабских надписей находятся и те, что сделаны молдавским ученым — тонким «знатоком арабской письменности и каллиграфии», превосходным ориенталистом.

Научные интересы Д. Кантемира поразительно широки. Он был, ко всему прочему, хорошим математиком и даже зодчим. В Константинополе он воздвиг дворец по собственному проекту. Особенность его архитектурного таланта — умение оригинально вписать здание в местность, достичь гармонии между зданиями и релье-

фом. Помимо дворца, по проектам Кантемира построено несколько церквей в принадлежавших ему деревнях.

Не последнее место в увлечениях Кантемира занимало создание приборов и инструментов. Петру I, своему другу и покровителю, он продемонстрировал, например, музыкальный инструмент собственной конструкции, основанной на математических расчетах. В занятиях музыкой Кантемир поднимался до композиторского творчества. Будучи в Константинополе, он писал инструментальные и вокальные пьесы, сочинил «Марш Баязета», который долгое время исполнялся как национальный гимн Турции. В этой стране Кантемир впервые ввел ноты, применив для их обозначения арабские буквы, и опубликовал книгу, поясняющую правила пользования нотами. Музыкальное искусство Турции многим ему обязано.

Научные интересы Д. Кантемира распространялись на медицину. Шесть лет он занимался исследованиями в области естествознания, а в последние годы жизни изучал анатомию и физиологию человека. Ученый осуждал ислам, который запрещением вскрытия трупов затормозил прогресс медицинской науки и практики на мусульманском Востоке.

Деятель молдавской и русской культур, Д. Кантемир внес значительную лепту в развитие науки и литературы своего времени.

Находясь в России, Кантемир оставался пламенным молдавским патриотом, ни на минуту не прекращал деятельности, направленной на освобождение родины. Своими сочинениями он стремился склонить общественное мнение России к убеждению в необходимости скорейшего вызволения Молдавии из-под турецкого гнета.

Говоря о бесспорно прогрессивных взглядах и устремлениях молдавского мыслителя, мы не должны забывать, однако, что бывший господарь, вельможа и крупный помещик стоял всецело на почве феодального строя, считал нормальным и естественным крепостничество, выступая только против его крайностей.

Вместе с тем, памятуя, что Дмитрий Кантемир был сыном своего класса и своей эпохи, мы весьма высоко ценим его политическую, научную и литературную деятельность как замечательный вклад в культуру и сближение двух народов и, выражаясь марксовыми словами, как свидетельство «пробуждения национальностей».

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5
I. Жизнь и творческая деятельность Д. Кантемира 13
II. Политические воззрения мыслителя и их классовая сущность 45
III. Д. Кантемир — историк и философ . . . 62
IV. Естественнонаучные взгляды 97
Заключение 108

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ МССР

Василий Никитич Ермуратский

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР

Редактор *И. Лутохин.* Художник *В. Заикин.* Художественный **редактор** *Л. Кушниренко.* Технический редактор *Н. Припа.* Корректор *Н. Олейникова.*

ИБ № 2276

Сдано в набор 26.08.82 г. Подписано к печати 12.01.83 г. Формат 84×108¹/₆₄. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печатных листов 3,04. Усл. кр-отт. 3,15. Уч. изд. листов 3,66. Тираж 12000. Цена 15 коп. Зак. № 21376.

Издательство «Картя Молдовеняскэ» Кишинев, пр. Ленина, 180.

Полиграфкомбинат Госкомиздата Молдавской ССР, г. Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

Ермуратский В. Н.

Е74 Дмитрий Кантемир / Пер. с молд.— Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1983.— (Молд. мыслители).— 116 с.

Работа доктора философских наук, профессора В. Н. Ермуратского посвящена Дмитрию Кантемиру — выдающемуся мыслителю и государственному деятелю Молдавии и России конца XVII — начала XVIII вв. Подробно рассматриваются его общественно-политические, исторические, философские и естественнонаучные воззрения.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Е $\frac{0202000000-010}{М751(12)-83}$ 34—83 60(2М)